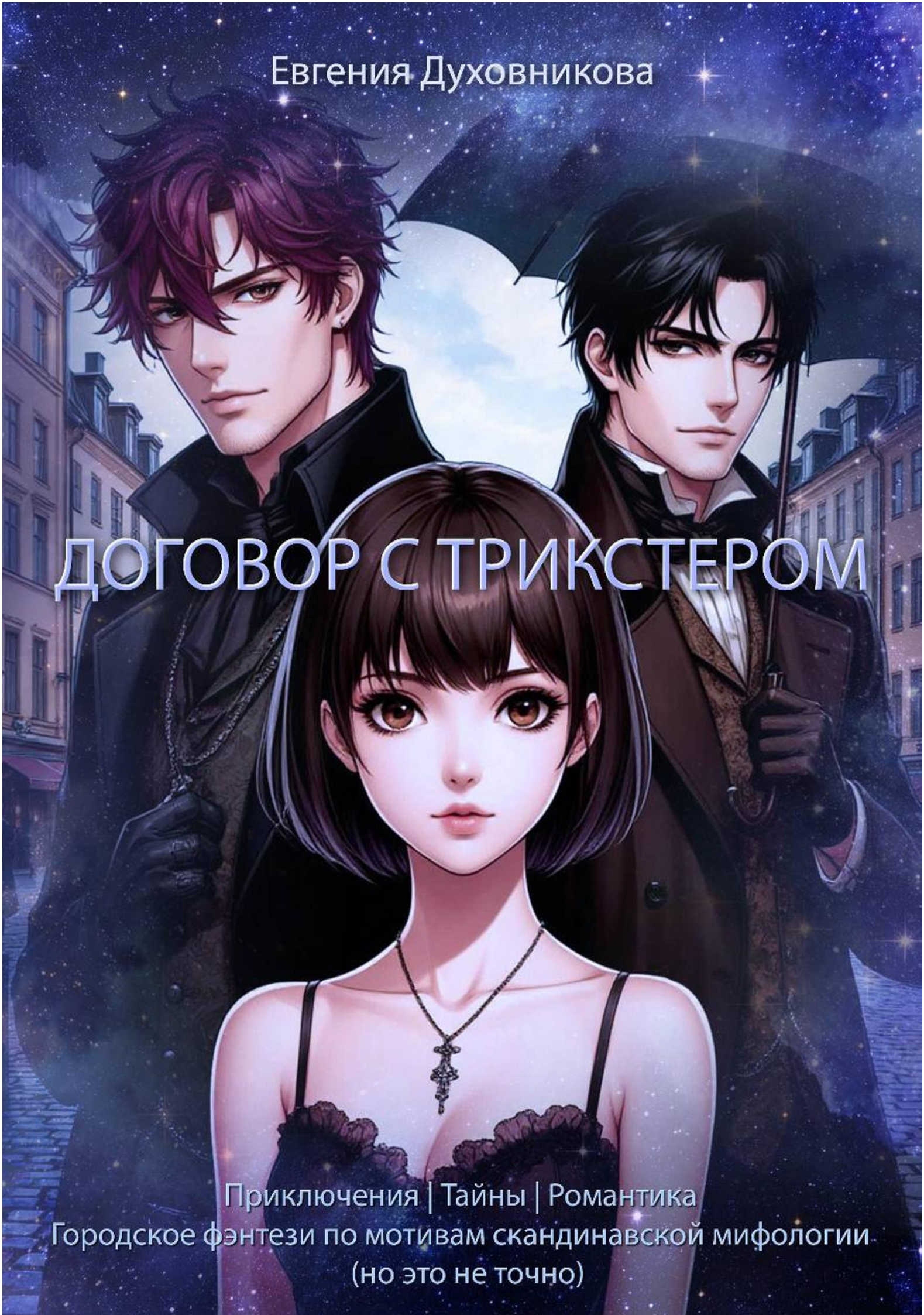
Евгения Духовникова

ДОГОВОР С ТРИКСТЕРОМ

Приключения | Тайны | Романтика
Городское фэнтези по мотивам скандинавской мифологии
(но это не точно)

Евгения Духовникова

Договор с трикстером

«Автор»
2026

Духовникова Е. В.

Договор с трикстером / Е. В. Духовникова — «Автор», 2026

Куда исчез брат моей подруги и по совместительству мой незадачливый ухажёр? Почему меня не оставляет ощущение, что за мной следят? И как это связано с найденным мной удостоверением и со странным красноволосым незнакомцем, свалившимся на меня, как снег на голову? Поможет ли он мне разобраться во всей этой каше или заварит новую?Столько вопросов – и ни одного ответа...

© Духовникова Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 53

Евгения Духовникова
Договор с трикстером

Евгения Духовникова

ДОГОВОР С ТРИКСТЕРОМ

Приключения | Тайны | Романтика
Городское фэнтези по мотивам скандинавской мифологии
(но это не точно)

Куда исчез брат моей подруги и по совместительству мой незадачливый ухажёр? Почему меня не оставляет ощущение, что за мной следят? И как это связано с найденным мной удостоверением и со странным красноволосым незнакомцем, свалившимся на меня, как снег на голову? Поможет ли он мне разобраться во всей этой каше или заварит новую?

Столько вопросов – и ни одного ответа...

Вместо эпиграфа

А бог живущих в тени и дарующих свет
Это только огонь и не более, нет
Это только огонь, что в нем грех, а?
Убегают слова, их и так не понять
А держите, держите, держите меня
Чтобы я не лопнул от смеха.

Немного огня – середина пути
Немного огня тебя может спасти
В блеске обмана… Обмана…
Немного огня – середина пути
Немного огня тебя может спасти
В блеске обмана…

Чудеса далеки, а за зеркальным окном
Нет теней, и дикий полдень настоялся вином
А это только вино, что в нем грех, а?
А что хранила душа, так того не отнять
А держите, держите, держите меня
Чтобы я не лопнул от смеха.

Немного огня – середина пути
Немного огня тебя может спасти
В блеске обмана… Обмана…
Немного огня – середина пути
Немного огня тебя может спасти

А догорающий звук уже едва различим

Бледнее бледного, да, но ты не молчи
Ведь это только игра, что в ней грех, а?
А что хранила душа, так того не отнять
А держите, держите, держите меня
Чтобы я не лопнул от смеха.

Немного огня – середина пути
Немного огня тебя может спасти
В блеске обмана… Обмана…
Немного огня…

Пикник – Немного огня

Вместо пролога

В нашей жизни вымысел и реальность переплетаются так тесно, что порой почти невозможно разобраться, что правда, а что – нет. Каждый пятый британец, например, уверен: Шерлок Холмс существовал на самом деле. В средствах массовой информации – и не только в жёлтой прессе, между прочим, регулярно публикуются статьи о пришельцах, интервью с очевидцами, якобы видевших драконов "своими собственными глазами" свежие фотографии следов Йети и многострадального Лох-несского динозаврика в профиль и анфас. А вы знаете, сколько человек каждый день набирают в поисковой строчке "как стать вампиром в домашних условиях", и какое количество материалов выдают поисковики по этому запросу? Да и я сама лично видела репортаж по телевизору, в котором пятиклассник на серьёзных щах заявил, что "когда вырастет, станет тренером покемонов".

Забавно, правда? А ведь меньше тысячи лет назад люди поголовно верили в самых разных богов, демонов, духов и прочую нечисть. Причём не просто верили – эти сверхъестественные существа были частью их мира. А в наши дни все они стали мифологией, и по совместительству – неиссякаемым источником вдохновения для кинорежиссеров всех студий, художников всех мастей и писателей различной степени гениальности.

Вот только нет дыма без огня – это аксиома. Любому, кто дружит с головой, понятно: слухи не могут возникнуть сами по себе – что-то должно служить для них почвой.

О том, что жизнь – не что иное, как цепочка совпадений, на первый взгляд случайных, а в действительности тесно увязанных между собой, говорят всё чаще и чаще – и не только эзотерики, экстрасенсы и прочие шарлатаны, но и люди вполне здравомыслящие. Только я никогда не принимала эти слова всерьёз. А зря, как выяснилось.

Глава первая. Нетривиальная находка

...Тьма. Древняя, как мир, густая, как овсяный кисель, холодная, как давно погасшие звёзды, она обступала со всех сторон, свинцовой тяжестью давила на плечи, окутывала липкой сетью отчаяния и страха. Она призывала сдаться, прекратить борьбу, оставить напрасные надежды на спасение. Она стучалась – мягко, но настойчиво призывая открыться ей.

Если впустить Тьму в своё сердце, станет легче. Из врага она превратится в друга, придаст сил и даже поможет выбраться из этого жуткого места. Но потом от неё будет уже не избавиться. Она прорастёт насквозь, отравит душу, перемелет и выплюнет, а в попытке одолеть её ты рискуешь потерять себя, погибнуть, исчезнуть...

Смерть – это совсем не так романтично и красиво, как пишут в приключенческих книгах. Смерть – это путешествие без права на обратный билет.

Я металась, наверное, очень долго – чувство времени, обычно хирургически точное, сейчас отчего-то мне изменило. Пыталась выбраться, найти выход, – но всякий раз натыкалась на упругую стену. Что это, во тьме было не разглядеть.

Свет.

Мне нужен источник света.

Я подумала об этом – и в то же мгновение передо мной возникла крошечная сфера, источающая мягкое белое свечение.

Получив возможность оглядеться, я обнаружила, что стою на круглой платформе диаметром не больше метра, которая медленно движется вперед и вверх. Вокруг: сверху, снизу, со всех сторон двигались точно такие же платформы, двигались хаотично, однако в их перемещениях угадывался неведомый мне порядок, похожий на сложный многомерный танец.

И следом мгновенно пришло осознание: *нужно идти*. Нужно подняться на вершину. Нужно подняться, чтобы... Чтобы – что?..

Нет, на этот вопрос я пока не могла дать ответа.

Я прыгнула – так чтобы попасть на проплывающую мимо платформу. Затем ещё раз, и ещё. Некоторые платформы резко меняли направление движения, стоило мне только ступить на их поверхность. А некоторые – оказывались фальшивками, ломаясь, как сухое печенье, или рассыпаясь в прах. Тогда я группировалась, раскинув руки в стороны, и усилием воли удерживалась в воздухе, а потом делала рывок – и подбрасывала себя вверх.

Я была на полпути к вожделенной цели, когда одна из платформ, не выдержав моего веса, перевернулась и опрокинулась, а я, не успев среагировать, полетела вниз. Прямо в холодные объятия Тьмы.

Проснувшись от собственного крика, я не сразу поняла, что всё увиденное – всего лишь сон. Мой неизменный ночной кошмар, повторяющийся примерно раз в полгода. Мелкие детали менялись, но фабула и сюжет были всё те же: тьма, путь наверх, множественные препятствия, падение – и смерть.

Я не любила этот сон – слишком уж он был мрачным, да и финал меня отнюдь не радовал.

Почему моё подсознание раз за разом рисует мне такую картину и заставляет проходить этот квест? Место, которое мне снилось, не было похоже ни на что, когда-либо виденное мною в реальной жизни, наяву, включая кинофильмы и компьютерные игры. А ещё мне не давало покоя странное чувство: это место *реально*.

Отдышавшись и глотнув воды, я устроилась поудобнее и вскоре заснула – на сей раз, к счастью, без сновидений.

* * *

Проводив блюстителя порядка слегка раздражённым взглядом, я убрала паспорт обратно во внутренний карман куртки, застегнула молнию и поспешила к пешеходному переходу. Светофор как раз переключился на зелёный.

Странно, с чего бы это они положили глаз именно на меня, подумала я невольно, бросая ещё один взгляд на широкую спину полицейского, который уже успел отойти довольно далеко. Ловят, что ли, кого-то по ориентировке?

Меня никогда ещё не останавливали на улице для проверки документов. Во-первых, я девушка. Во-вторых, у меня светлые волосы и светло-серые глаза, что с классическим типажом неблагонадёжного субъекта, а уж тем паче террориста-смертника ну никак не вяжется. А в-третьих, я слишком безобидно выгляжу, чтобы вызывать хоть какое-то подозрение.

Чувствительный толчок в плечо прервал течение моих мыслей. От удара меня отбросило в сторону почти на метр, но каким-то чудом мне удалось удержаться на ногах.

– Извините, – на автомате выдохнула я, потирая ушибленное место.

Что это было? Я прищурилась и повертела головой, всматриваясь в толпу. Искомого субъекта я опознала без труда: он был здесь единственный, кто не шёл спокойно, а летел как на пожар. Высокого роста, худощавый, в длинном чёрном пальто с поднятым воротником и чёрном картузе, надвинутом на глаза до самого носа. Его лица мне разглядеть не удалось.

Светофор вновь переключился, и автомобили, замершие по обеим сторонам зебры, уже готовы были сорваться с тормозов, но толкнувший меня человек ринулся наперерез машинам. Не обращая внимания на громкие гудки и сердитые оклики, он в несколько прыжков пересёк проезжую часть и скрылся из виду в густой толпе.

– Хм, – я пожала плечами. Мало ли что у человека стряслось. Жену нужно срочно везти в роддом, на работе сверхважная встреча, на самолёт опаздывает – вариантов масса.

Разумеется, через минуту я и думать бы забыла об этом случае, если б не заметила на мощёном брусчаткой тротуаре вещь, которой ещё минуту назад там не было.

У моих ног лежал бордово-красный прямоугольник, при ближайшем рассмотрении оказавшийся кожаной обложкой. В такие обычно одевают служебные удостоверения, а иногда запихивают туда же банковские карточки, иденты, проездные билеты, визитки и даже документы, сложенные в несколько раз, – чтобы в один прекрасный день потерять всё сразу.

Я подняла находку с земли. Развернула.

Внутри обнаружился один-единственный документ. Это было удостоверение на имя профессора Бьёрна Расмусена, действительного члена Нобелевского комитета. На бумаге с водяными знаками красовалась синяя гербовая печать и чья-то размашистая подпись.

Должно быть, профессор потерял его только что, иначе бумажник непременно увидел и подобрал бы кто-нибудь из прохожих.

Ну, точно! Тот тип, что в меня врезался! Очевидно, выронил документ, и сам не заметил, поскольку сильно спешил.

Светофор вспыхнул зелёным и призывно заверещал, приглашая пешеходов перейти дорогу. Обратный отсчёт настоятельно советовал не мешкать.

Он не должен был уйти далеко! Я бросилась вперёд со всей прытью, на какую только была способна.

– Профессор Расмусен! – завопила я на бегу. – Вы потеряли свои документы! Постойте!

Несколько человек с любопытством обернулись на мой крик, однако профессора Расмусена среди них не обнаружилось. Бежать в гору было тяжело, и очень скоро я выбилась из сил. Некоторое время я топталась на месте и крутила головой во все стороны, пытаясь отыскать в толпе фигуру высокого мужчины в чёрном пальто, но, увы, не увидела никого даже отдалённо похожего на него.

Справа стояла вереница туристических автобусов, слева шумела оживлённая магистраль. Прохожие спешили по своим делам, не обращая на меня никакого внимания.

– Сэляви, как говорят французы, – вздохнув, я спрятала находку в сумку и повернула в сторону дома.

Я люблю этот город: за неброскую, элегантную архитектуру, за его нордический характер, за размеренное течение жизни, за спокойный, сдержанный стиль. Здесь приятно работать и приятно отдыхать. А ещё здесь очень уютно жить.

Конечно, он не такой древний, как, скажем, Рим, или тот же Стамбул, когда-то именовавшийся Константинополем, но мистический дух средневековья ощущается здесь сполна, особенно в центре, в Старом городе.

Я люблю этот город: за его мощёные улицы, за многочисленные зеленые парки, за каменных львов, горделиво глядящих вдаль. За яхты, стоящие на приколе, и за сказочные, будто игрушечные фасады старинных зданий. За цветущие майские яблони и рождественские ярмарки. За то неповторимое очарование, которым здесь пропитано всё вокруг, когда начина-

ется листопад, и многочисленные клёны роняют на землю багряно-красные резные листья. За все четыре сезона.

Я люблю этот город. За почти что четверть века он смог стать мне по-настоящему родным. Но родилась я не здесь, а в другом красивом городе. У этих двух городов много общего: обилие воды, множество мостов и островов в центре, похожий климат. Даже море у них одно на двоих; для одного – на востоке, для другого – на западе.

Волею судьбы сложилось так, что, появившись на свет в одной стране, я почти сразу покинула её. Моя маман тогда работала в министерстве иностранных дел, где она и познакомилась со своим будущим мужем, тогда – помощником консула. А когда в стране началась перестройка, смена власти и беспорядки, она приняла единственно верное решение и увезла меня сюда.

Это было давно, двадцать с лишним лет назад.

А сейчас я – студентка предпоследнего курса Королевского института технологий, будущий инженер-архитектор. Эта профессия стала моей мечтой ещё в средней школе: тонкая грань на стыке науки и искусства, сложный сплав математически точного расчёта и полёта фантазии, прагматики и вдохновения.

Я перешла ещё одну улицу и повернула направо. Стройный силуэт городской ратуши был хорошо виден на фоне васильково-синего неба.

Апрель стоял довольно прохладный, воздух ещё не прогрелся как следует; и стоило солнцу опуститься за зубчатую линию крыш, как я сразу почувствовала холод. К счастью, я уже подходила к крыльцу своего дома.

Консьерж, седовласая благообразная старушка дружелюбно кивнула и улыбнулась. Пробормотав в ответ приветствие, я вынула из почтового ящика пухлую газету, и, не дожидаясь лифта, потопала на третий этаж.

Строго говоря, это квартира моих родителей, но они появляются здесь крайне редко. Маман безвылазно сидит в своём консульстве, на родину приезжает пару раз в год, а отец – тот почти всё время в разъездах. Сейчас он – какой-то представитель то ли в ООН, то ли в ОБСЕ – всё время путаю. Я в это дело особо не вникаю; я вообще от политики безмерно далека, тем более от международной. Родители, напротив, личной жизни уделяют минимум времени – их работа для них куда важней. Может, потому они и до сих пор вместе, что не живут под одной крышей и не мозолят друг другу глаза, а может, у них обоих другие приоритеты, и общественно-политическая деятельность для них куда важнее жизни личной. Впрочем, я ничего предосудительного в этом не нахожу: я ведь уже давно вышла из того возраста, когда за мной был нужен глаз да глаз. Сейчас мне няньки не требуются, – я прекрасно могу позаботиться о себе сама.

С такими мыслями я поднялась в квартиру, разулась и отправилась на кухню с весьма прозаической целью.

По телевизору, как всегда в это время, шли вечерние новости. Диктор монотонно вещал о непростой внешнеполитической обстановке, безуспешных поисках очередного несчастного Боинга и чемпионате клубных команд по хоккею с шайбой.

Я включила плиту и набрала воду в чайник. Полезла в холодильник – и услышала за спиной громкое шуршание целлофанового пакета.

– Привет, Инги, – не оборачиваясь, бросила я. – Прости, сегодня я тебе ничего не купила.

Шуршание моментально прекратилось, а через мгновение я услышала обиженное "мяу".

Ингифербо́н[1] – это огромный рыжий котяра, доставшийся мне в наследство от соседей снизу, пять лет назад эмигрировавших в Англию, в Манчестер. Нет, не подумайте, семья Туру-

[1] "Ingefära" можно перевести со шведского как "рыжий", а также как "имбирь" (прим. авт.)

нен – милейшие люди, в своем домашнем питомце они души не чаяли, а оставить Инги им пришлось из-за британского таможенного законодательства, запрещавшего ввозить на остров кошек.

Инги тогда уже был взрослым котом, поэтому ни меня, ни тем более моих родителей как настоящих хозяев он не воспринимает. Иногда мне кажется, что это он позволяет нам жить здесь, а не наоборот. И ведёт себя соответственно: не носится как угорелый, не прыгает по полкам, не нападает в темноте, хватая за голые пятки, а держится степенно, ходит не спеша, преисполненный собственного достоинства, как и подобает порядочному восьмилетнему коту.

А ещё Инги очень умный – настолько, что иногда это даже немного пугает.

Я выложила на сковородку замороженные фрикадельки, добавила воды, масла, и почувствовала, как Инги деликатно потёрся головой о лодыжки.

– Всё равно не дам, не проси, – безапелляционно отрезала я. – Фигуру испортишь.

Ингиферон оскорблённо мяукнул. Очевидно, испортить фигуру он не боялся, а вот идея портить восхитительные мясные шарики термической обработкой показалась ему по меньшей мере кощунственной.

– Возражения не принимаются, – я накрыла сковороду крышкой и завела таймер. – И вообще, у тебя своя еда есть.

Кошачья миска, разумеется, была пуста. Я налила Ингиферону свежей воды и насыпала сухого корма. Кот медленно поплёлся ужинать, всем своим видом демонстрируя, что делает мне огромное одолжение.

– Приятного аппетита, – улыбнулась я сама себе.

Уже который раз я ловлю себя на мысли, что вся моя жизнь идёт в соответствии с чётким планом. У меня никогда не было ни особых трагедий, ни красочных приключений. Если подумать, то несбывшихся желаний тоже не было. Ну, если не считать, что моих любимых коллекционных кукол навсегда сняли с производства, а "Нокиа" перестала выпускать смартфоны на "Симбиане". У меня всё слишком правильно, всё так, как и должно быть: благополучная семья, подруга из хорошей семьи, квартира в одном из самых чистых городов мира, образование, получаемое не "для корочки", планы на будущее, которые никто не высмеивает, потому что ни у кого нет ни малейших сомнений: всем им суждено сбыться. Ничего экстраординарного, ничего из ряда вон выходящего – всё аккуратно подстрижено под гребёнку и превосходно вписывается в канву почти эталонной, образцовой правильности.

Так что, в целом, моя жизнь – один длинный и до оскомины скучный сериал, который вряд ли кто-то захотел бы пересматривать и тем более новеллизировать.

Впрочем, иногда скука – синоним стабильности. Многие мечтают иметь хоть малую толику того, что имею я, – поэтому не грех ли жаловаться?

– Эх, хвост-чешуя, не поймал я ничего, – не в рифму вздохнула я, складывая тарелки в посудомоечную машину.

С детства я говорю и думаю на двух языках: шведском и русском. А что, очень удобно: если в одном из них не хватает слов и речевых оборотов, чтобы выразить какие-то эмоции, они обязательно найдутся в другом. А вот английский я начала учить только в школе, так что думать на нём пока не получается.

Остаток дня я провела за работой над курсовым проектом, негромко подпевая радиоприёмнику. Музыка меня не отвлекала, напротив, помогала сосредоточиться. На большом листе ватмана, заправленном в чертёжный мольберт, красовалось несколько эскизов. Сейчас не каменный век, конечно, – всё делается в Автокаде, но наброски мне сподручнее рисовать по старинке, на бумаге.

Это будет проект сверхлёгкого подвесного моста. Современные материалы и особое крепление тросов позволит сделать пролёты максимально широкими, что даст возможность сэкономить на установке свай и удешевит строительство почти на пятнадцать процентов...

Закончив чертить, я отложила карандаш, вытащила лист из мольберта и засунула в сканер. Осталось только перевести всё это в электронный формат, и можно будет распечатывать.

В восемь звонила мама: удостовериться, всё ли у меня в порядке и задать парочку дежурных вопросов. В девять я позволила себе отвлечься на чай с кексиком; в десять – на проверку почты.

Поэтому, когда я доделала чертёж, был уже поздний вечер. Я полезла в сумку в поисках флэшки, не заметив, как удостоверение профессора Расмусена, найденное мной сегодня на улице, выпало из бокового кармана и осталось лежать на полу. В этот момент произошло сразу несколько событий: компьютер, приёмник и настольная лампа дружно отключились, оставив меня в тишине и полумраке, а Ингиферон, до этого мирно дремавший в кресле, внезапно вскочил, оскалился и громко зашипел.

– Инги, ты чего? – удивилась я.

Поведение мохнатого члена семьи меня не просто удивило – ошеломило. Доселе я вообще никогда не слышала, чтобы ленивый флегматичный кот на кого-то шипел. Даже громко тявкающих собак Ингиферон начисто игнорировал, в лучшем случае удостаивая презрительным взглядом.

Я отдёрнула шторы. В стремительно сгущающихся сумерках невозмутимо желтели яркие глаза фонарей и чуть более тусклые квадраты окон. Значит, электричества нет только у меня.

Должно быть, автоматы выбило.

Светя себе под ноги фонариком телефона, я вышла в коридор и открыла распределительный щиток. Так и есть. Один за другим я включила все девять автоматов, и компьютер тут же отозвался из комнаты возмущённым писком.

Вернувшись назад, я стала свидетелем неожиданной и предельно странной сцены: кот сверлил взглядом валяющееся на полу удостоверение и утробно рычал. Уши его были плотно прижаты к голове, клыки обнажены, а каждая шерстинка густой рыжей шубы стояла дыбом.

– Инги? – от неожиданности я немного опешила. – Да что с тобой такое?!

Должно быть, от документа пахнет чужаками. Может, профессор держит собаку? Или кошку? Как бы то ни было, более правдоподобного объяснения я придумать не могла.

– Нашла сегодня у перекрёстка, – объяснила я ему. – Надо же, совсем забыла об этом, – протянув руку, я осторожно провела ладонью по кошачьей спине, приглаживая взъерошенную шёрстку, а другой рукой взяла бумажник. В тот же миг Инги издал отчаянный вопль, и со всех лап бросился вон из комнаты.

Странно всё это.

Несколько секунд я стояла, задумчиво глядя на документ. Потрёпанная кожаная обложка была мягкой и приятно-тёплой на ощупь.

– Всё-таки его следует вернуть, – вздохнула я, пожав плечами.

Хорошо, что в интернете можно найти всё что угодно. И кого угодно. Я выписала нужный мне адрес на клочок бумаги и убрала в сумку вместе с удостоверением.

Завтра же отвезу его хозяину.

* * *

Я пристегнула своего железного коня к металлическому полукружью студенческой велопарковки и, увеличив громкость плейера до максимума, зашагала по посыпанной гравием аллее к зданию главного учебного корпуса, между двух рядов стриженых кустов, уже покрывшихся свежей весенней зеленью. Плеер как раз перескочил на одну из моих любимых песен, и я невольно заулыбалась, вполголоса подпевая солисту.

– When the seal is broken up in the midwinter sky,
all the dead will follow Odin and they're coming by the storm

In the middle of the world the rock of Gods stand high.
On the dark yule-night
The gods will descend with the dead of the brave.[2]

В наушниках гремела музыка; совершенно естественно, что я не могла услышать, как меня окликнули. К тому же, я была погружена в свои мысли и щурилась из-за бившего в глаза солнца, поэтому, когда кто-то, подойдя сзади, хлопнул меня по плечу, я вздрогнула от неожиданности.

Секундой позже я, впрочем, сообразила, что это могла быть только Гретхен.

Обернувшись, я убедилась, что интуиция меня не обманула: я увидела высокую стройную девушку в белом кашемировом пальто. Её густые золотистые локоны волнами рассыпались по воротнику.

– Тильда! Я бегу за тобой от трамвайной остановки! – с наигранным возмущением воскликнула она и укоризненно покосилась на плеер.

– Привет, Гретхен. Прости, не слышала.

Подруга практически во всём была моей диаметральной противоположностью. Она с маниакальным педантичностью следила за собой, делала дорогой маникюр, одевалась исключительно в брендовые шмотки люксовых марок и всегда была в курсе последних модных трендов. Она не пропускала ни одной вечеринки, на которых всегда была душой компании. Она никогда не упускала случая посплетничать и обожала перемывать косточки всем, кто так или иначе оказывался в её поле зрения.

И как только, такая, как она, стала моей лучшей подругой?..

– И как только, такая, как ты, стала моей лучшей подругой? – деланно воскликнула Гретхен и театрально закатила глаза. – Идём скорее, опаздываем же.

Я посмотрела на часы.

– Пока ещё нет.

Мы повернули ко входу и влились в шумную толпу студентов.

– Что у нас сегодня?

– Лекция по градостроительству, две пары, и «железобетонные конструкции», семинар. – Я опустила магнитный пропуск в щель турникета, тот проглотил добычу, пожевал, выплюнул и послушно пропустил меня внутрь.

– Железобетонные конструкции, – со вкусом повторила Гретхен, так, как будто это было название любимого сорта мороженого. – Это Юрген Нойман ведёт? У него такой забавный немецкий акцент… А после обеда?

– После обеда – ничего, – я вдруг почувствовала, что у меня кольнуло в груди. – Но я... эээ… обедать не пойду.

Гретхен вкинула брови.

– Что так?

Почему-то мне очень не хотелось рассказывать подруге вчерашнюю историю. Во всяком случае, целиком. Но не отвяжется ведь!

– Заехать кое-куда надо. Я вчера нашла одну вещь, хочу вернуть.

– Правда? – оживилась Гретхен. – Покажи!

Я нехотя вытащила из рюкзака бумажник.

– Ух ты! – она восхищённо присвистнула. – Я с тобой.

– Нет, ну зачем… – начала было я, прекрасно понимая, что спорить с Гретхен абсолютно бесполезно, но в этот момент в аудиторию вошёл лектор, и мне волей-неволей пришлось замол-

[2] Мчась верхом по радуге, они минуют врата Хеймдаля,Откроются пред ними Гладхейм и Вальгалла.В обители Одина павший воин стоитВместе с остальными эйнхериями – готов в бой вступить.(Therion – Asgard)

чать. Убирая рюкзак под стол, я успела заметить, как подруга безапелляционно сверкнула глазами.

– Может быть, всё-таки стоило сначала пообедать? – Гретхен в очередной раз попыталась воззвать к моей совести, но та, к счастью, спала беспробудным сном, а может, просто упала в голодный обморок.

Я отрицательно покачала головой, с тоской глядя на пёструю стайку туристов, суетящихся около киоска с разноцветным мороженым.

Туристы здесь почти круглый год, а в высокий сезон ими запружен и Старый город, и соседние острова, и торговые центры – излюбленные места паломничества шопоголиков.

– Потом можем зайти перекусить, если хочешь, – миролюбиво предложила я.

– "Если!" – Гретхен ехидно фыркнула. – Здесь тебе не Спарта! Далеко ещё?

– Мы почти пришли, – подбодрила я подругу, то и дело поглядывая на часы. По телефону мне любезно сообщили, что я могу подойти до двух часов дня. Почему же у меня такое ощущение, что я *уже* опоздала?

Научно-исследовательский институт, где, судя по информации, найденной мною во всемирной паутине, трудится многоуважаемый профессор, располагался в помпезном двадцатиэтажном здании с внушительными стеклянными дверями и не менее внушительным охранником в вестибюле.

– Добрый день, – как и полагалось в таких местах, охранник был безукоризненно вежлив. – Чем я могу быть вам полезен?

– Здравствуйте, – я приветливо улыбнулась. – Мне нужен профессор Бьёрн Расмусен.

– Будьте любезны, пройдите туда, – он кивнул на стойку ресепшена, такую же стеклянную, как и всё в этом помещении.

– Добрый день, – девушка за стойкой оторвалась от экрана монитора и, поправив очки, окинула изучающим взглядом меня и Гретхен.

– Добрый, – я привстала на цыпочки и положила локти на холодное стекло. – Меня зовут Тильда Линдхольм. Я вам звонила сегодня утром.

– Да-да, – улыбка на лице девушки стала чуть теплее. – Что вам угодно?

– Это касается профессора Расмусена. Он обронил вчера своё удостоверение… – я полезла в рюкзак.

– Вы сказали, вчера? – повторила девушка и слегка нахмурилась. – Простите, мисс, я боюсь, здесь какая-то ошибка. Профессора нет в городе уже вторую неделю.

– Неделю? – я моргнула.– Но…

– Профессор Расмусен принимает участие в международном консилиуме в Токио, – терпеливо пояснила дежурная. – Если вы что-то хотите ему передать, вы можете оставить это мне либо дождаться, когда он вернётся.

Как это возможно? Кого же, в таком случае, я видела вчера?

Странно всё это.

Тем не менее, я попыталась взять себя в руки.

– Да… конечно, – Я наконец справилась с молнией и вытащила пресловутый документ. – Держите.

Дежурная развернула корочку, и некоторое время изучала её содержимое с самым серьёзным видом. Мы с подругой быстро переглянулись.

– Простите, мисс, но я не понимаю, какое отношение сия вещь имеет к профессору. – Она качнула головой, изобразив на лице вежливое недоумение.

– Что вы имеете в виду… – начала я, но, бросив взгляд на удостоверение, замолчала на полуслове. Сердце ухнуло куда-то вниз.

– Да что происходит-то? – вполголоса проговорила Гретхен.

Бланк документа был девственно чист.

Глава вторая. Нетривиальная находка являет любопытные свойства

Несколько секунд я непонимающе пялилась на документ, открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыбина. Наверное, у меня был очень глупый вид.

– Здесь же было его имя, и печать была! – ошарашенно пробормотала я.

– Прошу прощения? – дежурная слегка поморщилась, и до меня дошло, что от волнения последнюю фразу я произнесла по-русски.

– Здесь было н-написано его имя, и печать стояла, – заикаясь, повторила я. – Мне же это не приснилось.

Гретхен с любопытством заглянула через моё плечо и хмыкнула.

– Я чего-то не понимаю, – сказала подруга, – или?..

– Извините, – я покраснела от корней волос до кончика носа, – Вы правы, похоже, действительно произошла досадная ошибка. Извините, пожалуйста.

– Всего хорошего, – мгновенно потеряв к моей скромной персоне всяческий интерес, девушка пожала плечами и вернулась к работе. В стёклах её очков отразился экран монитора и открытая программа: то ли пасьянс «Косынка», то ли похожая карточная игра.

Увлекая за собой Гретхен, я пулей вылетела на улицу и со всех ног бросилась прочь от злополучного стеклянного небоскрёба. Через минуту, однако, моя подруга цепко ухватила меня за рукав, заставив остановиться.

– Хоть я и помираю с голоду, я не сойду с этого места, пока ты не расскажешь мне всё до последней точки!

Завидев неподалеку скамейку, я подошла к ней и присела на краешек. Гретхен, глядя на меня во все глаза, опустилась рядом, нетерпеливо ёрзая.

– Вот это, – я развернула корочку и картинно помахала ей у неё перед носом, – я нашла вчера. Я тебе рассказывала.

Закусив губу, Гретхен повертела находку в руках. Похоже, происходящее казалось ей скорее забавным, нежели пугающим и странным.

– Это просто пустой бланк, – констатировала она.

– Я вижу, – устало вздохнула я. – Но не далее как вчера здесь стояло имя профессора Расмусена.

– Исчезающие чернила? – азартно предположила Гретхен, поднеся корочку к самому носу. – Где, говоришь, ты его подобрала?

Я открыла было рот, чтобы ответить, но Гретхен меня перебила:

– Сто процентов: чернила! Спецслужбы наверняка используют их для составления секретных донесений. Раз-два, – и всё исчезло.

– Ты смотришь слишком много американских детективов, Гретхен, – иронично заметила я.

– А как ещё ты это объяснишь? – не унималась Гретхен. – Нам же ясно сказали: профессора нет в городе. Значит, некто *знал* это, и заранее подделал документ, чтобы выдать себя за него. Очевидно, что этот человек преследовал какую-то цель…

– Думаешь, я вчера видела СЭПОвца? – усомнилась я. – Или, чего доброго, вражеского шпиона?

– Или мафиози, – шёпотом подытожила Гретхен и, наткнувшись на мой скептический взгляд, громко прыснула. Проигнорировав её хохот, я взяла липовое удостоверение, и принялась рассматривать – гораздо тщательнее, чем вчера.

– Во-первых, настоящий СЭПОвец ни за что не потерял бы важный документ, который, к тому же, потенциальная улика. Во-вторых, даже самые лучшие исчезающие чернила не могут исчезнуть без следа. Любая ручка царапает и продавливает бумагу, особенно если писать с нажимом. А здесь бумага выглядит так, что невооружённым глазом видно: никогда на ней ничего не писали.

– Значит, – Гретхен тут же зашла с другой стороны, – Остаётся одно из двух: либо ты меня разыгрываешь, либо…

Я саркастически усмехнулась, уловив её мысль.

– Либо я сошла с ума. "Какая досада".

Гретхен неуверенно рассмеялась, не поняв отсылки.

– Я и не надеялась, что кто-нибудь мне поверит, – разочарованно протянула я, взвешивая корочку на ладони. – И что мне теперь прикажете с этим делать?

– Выкинь, – предложила Гретхен, выразительно кивнув на мусорный контейнер. – Ну, или оставь себе. Как трофей на память.

Я задумалась на секунду. Внутренний голос подсказывал, что от этой вещи добра не жди, и самое лучшее, что можно с ней сделать, – засунуть в шредер или бросить в пылающий камин, но подспудно я чувствовала к документу необъяснимую симпатию. И когда только я успела к нему привязаться, если четвертью часа ранее готова была вернуть его "хозяину"? Непонятно.

Но то, что я определённо не желала никому отдавать свой "трофей", я ощущала очень явственно.

– Даже не знаю, – сказала я задумчиво. – Жаль его выкидывать.

* * *

За следующие несколько часов Гретхен ни разу не заговорила о моей странной находке, словно напрочь забыла о произошедшем. Я же, в отличие от подруги, не переставала думать об этом ни на секунду, и периодически хлопала себя по карману куртки, куда убрала документ, проверяя, на месте ли он. Почему-то мысль о том, что мне не придётся расставаться с этой вещью, была донельзя приятной.

Мы пообедали в пиццерии, после чего Гретхен предложила "пробежаться по магазинам". Мне пришлось ответить согласием: более-менее правдоподобной отговорки я придумать не успела, да и обижать подругу не хотелось.

Гретхен щебетала без умолку. Она была в своей стихии: девушка обожала шопинг, – дай ей волю, она могла бы скупить весь "Стокман" с потрохами. У меня же к такому виду времяпрепровождения было отношение чисто утилитарное: в хождении по торговым центрам и бутикам я видела лишь малоприятную необходимость, искренне удивляясь, что некоторые люди умудряются получать удовольствие от самого процесса.

Что ж, у каждого из нас есть свои маленькие слабости...

Впрочем, я должна была испытывать благодарность к Гретхен: если б не она, я выбиралась бы в магазин пару раз в год – перед летним и зимним сезоном соответственно, и ходила бы непонятно в чём. Вот и сейчас подруга умудрилась всучить мне полосатый кашемировый шарфик и трикотажную майку с солистами группы ABBA, расшитую бисером и золотистыми пайетками.

– Тебе не кажется, что в этом я буду смахивать на туриста? – заметила я.

– Да брось.

– Прошу прощения, вы не подсказать, на какой трамвайный маршрут я суметь доехать до музейный остров? – коверкая слова и произношение, я так похоже изобразила типичного туриста, что Гретхен весело рассмеялась.

– Не хочешь – не бери, – подруга сделала вид, что обиделась. – Мне просто больно смотреть, что ты изо дня в день ходишь в одном и том же.

– Это даже не мой размер, – я вывернула майку наизнанку и посмотрела на ярлычок. Так я и думала, стопроцентный полиэстер. – Синтетика. Спасибо, подруга.

– Я же сказала: не бери, если не хочешь… О, смотри-ка!.. – Гретхен издала восхищённый вопль и бросилась в узкий проход между двух рядов вешалок с одеждой, похоже, углядев там что-то интересное.

В конце концов мне удалось улизнуть под предлогом того, что дома некормленый кот. Без пары-другой обновок, разумеется, не обошлось – "спасибо" Гретхен. Отказавшись от пакета, я засунула свежеприобретённые шмотки в рюкзак.

До дома я доехала на трамвае: мой велосипед остался прикованным на университетской парковке, и делать крюк за ним я не стала. Завтра заберу.

Именно здесь, в полупустом трамвайном вагоне у меня впервые возникло ощущение, что за мной следят. Сердце ёкнуло и забилось быстрее, по спине пробежали мурашки. Я непроизвольно потянулась к карману, где лежал документ. Жёсткий прямоугольник кожаной обложки хорошо прощупывался даже через плотную ткань.

Трамвай довольно резко затормозил на перекрёстке, и я схватилась за поручень, чтобы не улететь вперёд. Почему мои руки вдруг стали влажными и холодными как лёд?..

Стараясь не привлекать внимания, я медленно обвела взглядом попутчиков. Пожилая пара на переднем сиденье вполголоса вела неторопливую беседу. Пятеро школьников-младшеклассников в форменных куртках со светоотражателями увлечённо резались в игровую консоль. Турист с огромным фотоаппаратом на шее нервно листал путеводитель, поминутно сверяясь с потрепанной картой, GPS-навигатором и дорожными указателями за окном. Хрупкая миниатюрная блондинка в очках читала книгу.

Я медленно покрутила головой. На задней площадке стояло ещё несколько пассажиров. Мужчина с маленьким сыном. Иностранный студент. И молодой человек в чёрном картузе.

Тот, что в головном уборе, стоял ко мне спиной: я видела лишь длинное пальто с поднятым воротником (ему, что, холодно?) и заднюю часть головного убора. Услужливое воображение тут же нарисовало увиденный мельком образ: человек, толкнувший меня вчера на пешеходном переходе и, предположительно, выронивший удостоверение. Он или не он?..

Внезапно незнакомец вздрогнул, словно почувствовав на себе мой взгляд, и я поспешно отвернулась. Люди не очень любят, когда на них пялятся. Лично я – вообще не люблю.

Трамвай повернул направо; на несколько секунд солнце ударило мне в глаза, заставив зажмуриться, но почти сразу скрылось за высоким зданием. Дорога была всего в две полосы, не считая трамвайных путей, а тротуар – такой узкий, что на нём с трудом бы смогли разойтись двое, поэтому здесь царила густая тень. Освещение в вагоне включилось автоматически, как только трамвай въехал в сумрак, – теперь в стёклах можно было разглядеть лица пассажиров.

Я задумчиво постучала ногтем по стеклу, склонив голову набок. Моё отражение посмотрело на меня вопросительно и немного испуганно, словно моё второе "я" намеревалось отговорить меня от моей затеи.

Возможно, вчерашняя Тильда поступила бы по-другому: вняв доводам рассудка, заставила бы себя забыть все крамольные мысли, вытащила плеер и спокойно слушала бы музыку до своей остановки.

Но нынешняя Тильда была другим человеком.

За последние несколько часов во мне словно что-то переменилось: исчезла былая нерешительность, застенчивость и привычка извиняться через слово, проснулось любопытство, дух авантюризма, тяга ко всему неизведанному. Безудержная мечтательница и отважная искательница приключений, которая, как я считала, умерла во мне вместе с детскими сказками где-то в возрасте десяти-двенадцати лет, сейчас возродилась, или, вернее, очнулась от очень долгого сна. Все краски будто стали чуть-чуть ярче, все звуки – богаче и выразительнее, и даже

не покидающее меня ощущение чьих-то холодных внимательных глаз воспринималось не как угроза, а, скорее, как вызов.

Мои пальцы сильнее сжали стальной поручень. Каждой клеточкой тела я ощущала биение пульса. Мне нужно переместиться немного левее, вот сюда, и тогда я смогу увидеть лицо незнакомца, которое он так старательно прячет, поднимая ворот пальто.

Я притворилась, будто высматриваю что-то в окне, а сама между тем шагнула в сторону и, улучив момент, бросила на заднюю площадку осторожный взгляд.

В стекле отражался трамвайный вагон с сиденьями, лампами и пассажирами. А вот молодой человек в картузе в стекле почему-то не отражался.

"Что?"

Я отпрянула назад, тяжело дыша и моргая. Показалось?

Конечно, показалось. Из-за бликов, из-за игры света и тени, из-за кривизны стекла. Да мало ли сколько можно придумать объяснений тому, что я только что увидела? Точнее, *не* увидела.

По-моему, на сегодня необъяснимых явлений более чем достаточно. Зря я вообще это затеяла. И какое мне дело до этого фрика? Правильно, абсолютно никакого.

И, словно вторя моему внутреннему голосу, ощущение опасности навалилось с новой силой. Интересно. Что же это, секундное наваждение – или реальное предчувствие беды?

К счастью, моя остановка как раз была следующей. Как только двери открылись, я покинула трамвай и, не оглядываясь, быстрым шагом двинулась в сторону дома. Идти было недалеко, метров двести. Открыв дверь подъезда, я поздоровалась с консьержем и зашагала к лестнице. И что странное: как только входная дверь за моей спиной захлопнулась с тихим металлическим щелчком, чувство тревоги моментально улетучилось, словно его и не было вовсе.

Ещё интереснее...

Я медленно пересекла вестибюль. Мягкий ковёр упруго пружинил под ногами. Меня донимал один-единственный вопрос: что всё это значит?

Поднявшись на два пролёта, я подошла к окну и облокотилась на подоконник.

Итак, что у нас в анамнезе? Галлюцинации, вызванные внезапным приступом страха. Я недоверчиво хмыкнула. Чушь полнейшая. Длительная депрессия, нервное напряжение или какое-то похожее состояние могло бы как-то объяснить происходящее. Но с моим здоровьем, настроением и самочувствием, тьфу-тьфу, всё в полнейшем порядке!

– Со мной же всё в порядке, ведь так? – пробормотала я негромко и вытащила из кармана пресловутый документ. Развернула. На бумаге не было никаких следов чернил – лишь строгие линии бланка и тонкая вязь водяных знаков.

Я закрыла корочку, погладила мягкую кожу обложки. Эта вещь действовала на меня умиротворяюще, как своего рода талисман. Я улыбнулась этой мысли. Почти во всех приключенческих историях главному герою полагалось иметь талисман. Как правило, его роль играл древний могущественный артефакт, обладающий магическими свойствами.

Постепенно успокаиваясь, я поднялась в квартиру.

– Кис-кис. Инги!

Ингиферона нигде видно не было, поэтому я просто выложила в его миску порцию кошачьего корма и поменяла воду. Проголодается, сам вылезет.

В ванной я долго смотрела на себя в зеркало. Мне кажется или я стала выглядеть как-то иначе? Вроде бы ничего не изменилось (да и что могло измениться?), но вместе с тем такое ощущение, что сама себя не узнаю́. Ерунда какая-то.

Следующая мысль была настолько банальной, что я удивилась, как она не пришла мне в голову раньше. Дело в том, что до сих пор я пыталась объяснить происходящее с позиции

логики и здравого смысла, отвергая любые "ненаучные" версии, и в результате зашла в тупик. Что, если попробовать рассуждать более… глобально?

У того человека в трамвае не было отражения, так? Так.

Я выключила воду и залезла в наполненную ванну, сминая крепко взбитую пену.

Кто не отражается в зеркалах? Вампиры, например.

В памяти тут же всплыл последний голливудский блокбастер про вампиров, зомби и прочую трендовую нечисть. Я закрыла глаза, припоминая подробности.

Нет, в зеркалах они как раз-таки отражались. У них там другие проблемы были – с солнечным светом, кажется.

– Ха-ха-ха, – произнесла я вслух. Даже на секунду я не допускала подобной мысли. И если Гретхен я ещё могла упрекнуть в том, что она наивна как ребёнок, и вообще верит всему, что говорится с экрана, то про себя я такого сказать никак не могла. Я всегда умела с безукоризненной, почти хирургической точностью отделить правду от вымысла.

Вернее, *прежняя* я.

Но не я нынешняя.

Нынешняя Тильда, похоже, стремительно теряла и способность рассуждать логически, и здравый смысл. В голове царил сумбур, в душе – тревога и смятение, вдобавок, я никак не могла отделаться от нарастающего ощущения нереальности происходящего. Привычная уютная реальность вокруг меня, словно отразившись в кривом зеркале, превратилась в какой-то сюрреалистичный сон, будто сошедший с картин Сальвадора Дали.

Я вышла из ванной, чувствуя глубокую досаду: я надеялась, что тёплая вода поможет мне успокоиться и прийти в себя, а на деле отдых в ванне только сильнее выбил меня из колеи.

В доме было тихо. Пожалуй, даже *слишком* тихо – и эта тишина показалась мне пугающей и зловещей.

– Инги! – я окликнула кота.

Кот не отозвался. Я проверила его миски – корм был нетронут.

Нет, конечно, котяра и раньше нередко пропадал сутками, выбираясь в открытую форточку, и препятствовать его вылазкам не представлялось возможным: если Инги изъявлял желание размять лапы, а заветная форточка оказывалась заперта, он подходил к окну и принимался орать – громко и требовательно. А в случае упорного игнорирования его намёков не гнушался пускать в ход когти.

Словом, Инги где-то шастал – и это было в порядке вещей, однако сейчас отсутствие мохнатого почему-то показалось мне неестественным. Я никогда не была суеверной, но в голове почему-то назойливо пульсировала одна-единственная мысль: всё это не к добру.

Так, стоп. Это уже паранойя какая-то. Нужно взять себя в руки и вернуться в реальность. Делать мне нечего, что ли? Нужно заказать продуктов, сделать уборку, да и учёбой заняться не мешало бы. Как минимум – прочесть парочку библиотечных книг по истории архитектуры, с немым укором взирающих с прикроватной тумбочки.

Пронзительно-громкая трель мобильника, вдребезги разбившая тишину, прозвучала так неожиданно, что я вздрогнула и выронила расчёску.

Отец.

– Да?

– Тильда, у тебя всё в порядке?

Вот так. Ни "здрасьте", ни "привет" – а с места в карьер и прямо к сути.

– Вроде бы... – растерянно пробормотала я.

– Ты дома?

– Угу, – где же мне ещё быть?

– Точно всё хорошо? – спросили меня с нажимом. – Ничего не случилось?

– Точно! – я чуточку повысила голос. – А в чем дело-то?..

– Сон нехороший приснился.

Вот это поворот! До сегодняшнего дня мой отец – человек с аналитическим складом ума и абсолютный материалист ни разу не был уличён в таком отношении к тонким материям вроде сновидений.

– Ты где вообще? – я покосилась на настенные часы. Половина девятого.

– В самолёте. Минуту назад приземлились.

Только сейчас я сообразила, что разговор ведётся на русском. Отец, разумеется, владел русским в совершенстве, но редко говорил на нём с кем-нибудь, кроме мамы, – только в моменты сильного душевного волнения.

Боже, что же настолько жуткое ему пригрезилось в полёте?..

– Хорошо, – вздох облегчения. – Буду через час, – и отключился.

А я вновь оказалась в одиночестве и в пугающей тишине, которую нарушало лишь моё собственное хриплое дыхание. Казалось бы, дома я в полной безопасности, но ощущение незримой угрозы, надвигающейся откуда-то извне, никуда не делось, напротив усилилось и даже обрело формы. Мне показалось, что в складках штор у окон шевельнулась угловатая тёмная тень, очертаниями напоминавшую мифическое чудовище – крылатое, рогатое и злобное.

Сверкнула молния, а через пару мгновений послышались раскаты грома. Надвигалась гроза.

Неужели все это мракобесие из-за той самой моей находки?! Я бросилась в прихожую, где висела куртка, вытащила злосчастную корочку с твердым намерением изорвать её в мелкие клочки или спустить в унитаз, – но стоило мне прикоснуться к ней, как от моих намерений не осталось и следа: мимолетное желание испарилось, исчезло бесследно. Вместе со всеми страхами, кстати. Можно было бы списать это на разыгравшееся воображение, но какой смысл обманывать саму себя?

– Чушь какая-то, – сказала я вслух. – Чушь полная.

Ну не люблю я необъяснимые вещи, хоть убейте! Пусть лучше вскроется правда – какая ни на есть, хоть самая неприятная, но не будет всех вот этих сомнительных ощущений, не подчиняющихся законам физики и логики.

Казалось бы, так просто: порвать и выкинуть. А ещё лучше – сжечь, так чтоб дотла. Вот она, свеча, стоит на журнальном столике, всего-то и нужно, что зажечь её и сунуть ненавистную корку в огонь.

Я стояла так с минуту, теребя в руках ничем не примечательный кусочек картона и не понимая, почему у меня не поднимается рука уничтожить его. Как будто это может навлечь беду.

В конце концов очередной раскат грома и прозвучавший в голове ехидный голос одногрупника: "Тильда, ты что, зависла?" вывел меня из оцепенения, и я буквально заставила себя уйти к себе в комнату и сесть за учёбу.

Корочку я сунула в задний карман брюк, приказав себя забыть о ней.

Остаток вечера я провела, зарывшись в книги, добросовестно грызя гранит науки под шум дождя и ворчание грома. Инги внезапно обнаружился лежащим в своем любимом кресле, расслабленный и сонный, будто и не пропадал вовсе. На строгий вопрос, где пропадал, котяра демонстративно зевнул и свернулся клубком, уткнувшись носом в пушистый хвост.

Почему-то вид спящего кота окончательно успокоил меня – словно умиротворение, исходившее от него, поглотило и растворило всё тёмное.

Отец появился около полуночи, я уже собиралась ложиться спать. Его лицо было серым от усталости – так выглядят люди после напряжённой многодневной работы без отдыха; тем не менее, увидев меня, он тепло улыбнулся, хотя улыбка получилась несколько кривоватой и вымученной.

От пирожных я отказалась – не хотелось наедаться на ночь. Гораздо сильнее меня интересовало другое: что за сон он увидел в самолёте. Но все расспросы ни к чему не привели: отец сначала отмалчивался, потом уходил от ответа, а в конце концов, поморщившись, с явной неохотой проворчал, что ему уже и не припомнить подробностей.

– Не бери в голову, Тильда, – добавил он после паузы. – Пообещай мне только, что будешь аккуратнее за рулём. А лучше вообще не трогай машину, а езди-ка на своём велосипеде.

Я пообещала. Причём совершенно искренне. Я неуверенно чувствовала себя за рулём и машиной пользовалась редко.

Засыпая, я вдруг услышала скрип кровати и почувствовала тёплую тяжесть в ногах. Впрочем, почти сразу Ингиферон подполз поближе к изголовью и устроился около подушки.

– Как думаешь, Инги, стоило ли рассказать папе о моей находке? – зевнула я. – Может быть, он посоветовал бы что-нибудь...

Инги даже урчать перестал. И посмотрел на меня с таким видом, будто я сморозила несусветную глупость – в его янтарных глазах читались презрение и скепсис.

– Да шучу я, шучу, – успокоила я кота. – Сам-то ты что думаешь? Есть ли повод для волнения?

У котяры был такой умный взгляд, что если бы он сейчас взял и заговорил, я бы не особо удивилась.

– Ладно, – я ещё раз зевнула, чувствуя, что уплываю в сон. – Как там говорят? Утро вечера мудренее.

* * *

Нажатием кнопки я остановила звучавшую в наушниках песню, а потом и вовсе смотала провода и убрала их в рюкзак. Хотелось прогуляться просто так, слушая мир вокруг – хриплое дыхание города, суету его улиц, шелест деревьев, стук трамваев, беззвучный бег облаков. Хотелось шагать в такт биению его сердца, любуясь его пёстрой, слитой из контрастов красотой, внимая его многовековой мудрости.

С того утра, как отец улетел в очередную командировку, прошло три дня, и – удивительное дело – никогда ещё я не чувствовала себя так легко и свободно: хотелось петь, танцевать, смеяться до хрипоты. Хотелось приключений, новостей, движения, хотелось быть в эпицентре событий – да что там, хотелось просто *быть*. Меня переполняла невероятная, невиданная прежде энергия: она рвалась наружу, выплёскивалась через край. Она искала выхода, не давая сидеть на месте.

От восхитительного ощущения всемогущества кружилась голова. Казалось, весь этот мир создан для меня, и всё, что я вижу и слышу, принадлежит мне – стоит только протянуть руку и взять, что нравится.

Лишь об одном я старалась лишний раз не вспоминать: пресловутое удостоверение, заботливо одетое в кожаную обложку, мирно покоилось во внутреннем кармане куртки. С того самого дня я стала постоянно держать его при себе – но для чего и зачем, сама толком не понимала.

Я бродила по старому города до самого вечера. Солнце уже клонилось к закату, а я подходила к дому, когда меня окликнул знакомый голос.

– Тильда!

Девчонка с короткой асимметричной стрижкой и ярко-синей прядью, заправленной за ухо, уверенно шагнула мне навстречу.

Алесса Хансен. Младшая сестра моего одноклассника.

– Привет, Лесси, – вежливо поздоровалась я, надеясь, что моя улыбка не выглядит слишком уж вымученно. – Как дела?

Ей было шестнадцать, хотя на вид можно было дать и меньше – хрупкая и миниатюрная, она выглядела почти ребёнком. Впрочем, впечатление несколько смазывал экстравагантный внешний вид: в бровях сверкали колечки пирсинга, пальцы унизывали многочисленные кольца и перстни, на запястьях бряцали браслеты, на шее – бусы и кулоны, отчасти – серебряные, отчасти – самодельные, из эпоксидной смолы и каких-то сухоцветов; широкие джинсы подметали бахромой асфальт, а на потрёпанной сумке не было живого места от значков, брелоков, подвесок, нашивок и прочей бесполезной дребедени.

– Нормально. А у тебя? – Алесса проницательно прищурилась.

– Это форма вежливости или ты действительно хочешь знать?

– Действительно хочу, – твердо ответила она.

Я мысленно выругалась. И не отстанет ведь!..

Алесса была ведьмой. Во всяком случае, по её собственному убеждению.

Нет, она не летала на метле, не варила зелье из лягушек и не питалась плотью новорожденных младенцев. Но зато хвасталась, что может навести порчу, – и для этого ей не нужны были никакие лягушки.

Честно говоря, я во все эти игры в магию не очень верила. Точнее, признавала, что "что-то эдакое", может, и существует, но львиную долю мистических случаев, выдаваемых Алессой за колдовство, наверняка можно было объяснить элементарным совпадением, удачным стечением обстоятельств, психологией или естественными причинами.

Алесса любила вспоминать, что получила свои способности от прабабки, которая была родом из Лапландии и якобы обладала даром ясновидения. Ей было пять или шесть, когда способности проснулись и заявили о себе, и свежеиспечённая колдунья в тот день не на шутку испугалась. По её словам, прабабушка вошла к ней в комнату, уселась в кресло и принялась рассказывать сказку о белом олене – а когда в комнату заглянул брат, растворилась в воздухе, точно призрак.

Алесса видела вещие сны. Точнее, считала себя способной находить ответы в снах: вроде бы нужно было особым образом задать вопрос, чтобы ответ на него приснился. Алесса читала знаки в расплавленном воске и кофейной гуще. Бросала руны, гадала на картах Таро – и при этом могла так витиевато всё расписать, что толкование расклада в её интерпретации действительно смахивало на правду. Её можно было попросить помочь в каком-нибудь важном или сложном деле: скажем, сдать экзамен или пройти собеседование, – и она помогала добиться желаемого. А если вдруг ничего не получалось – на то всегда была веская причина: дескать, боги не сочли нужным помочь просителю.

Несмотря на все чудесатые чудеса, Алесса не была популярна в кругу сверстников, но при этом имела кучу друзей по всему миру из числа своих единомышленников и таких же "одарённых": переписывалась с ними через интернет, вела свой канал и даже кого-то консультировала время от времени. И что самое удивительное, умудрялась очень неплохо зарабатывать на всём этом: однажды даже летала куда-то в Данию изгонять злого духа из старинного особняка с привидениями, причём и перелёт, и проживание полностью оплатил заказчик.

Я относилась к ней неоднозначно. С одной стороны, человеком она была незаурядным и разносторонним, хоть и "с прибабахом". Но иногда Алессу, что называется, переклинивало, и тогда она с абсолютно серьёзной миной начинала взахлёб вещать о сущностях, которых видит и слышит, и о всяческих связанных с ними историях. Алесса увлекалась мифологией, от скандинавской до восточной, и всем, кто был готов слушать, с удовольствием повествовала о героях языческих мифов, и, что примечательно, в её изложении древние легенды выглядели так, будто это не вымышленные сюжеты, а выдержки из газетных колонок или документальные хроники. Надо отдать ей должное: она умела так красочно живописать – заслушаешься. А её непоколебимая, фанатичная убеждённость в реалистичности всех этих богов, полубогов, демонов и прочих покемонов была настолько искренней и мощной, что это невольно вызывало улыбку –

но ровно до тех пор, пока "ведьма" не начинала подозревать слушателей в скептицизме. Малейшие сомнения в правдивости её слов воспринимались в штыки и могли стать поводом для серьёзной ссоры.

Пусть даже Алесса в самом деле обладала некими сверхъестественными способностями – та безапелляционная уверенность, с которой она обычно вещала об астральных мирах и своих похождениях в них, обескураживала, а порой и откровенно раздражала. Я, конечно же, понимала, что все её россказни – не больше чем сказочки, но, разумеется, мне хватало такта не заявлять ей об этом в лицо.

Со временем из Алессы мог получиться бы неплохой сценарист или писатель-фантаст – с такой-то богатой фантазией, но саму девушку, похоже, подобное будущее совершенно не прельщало.

Я стояла, перебирая в кармане мелкие монетки, и не знала, с чего начать. Честно признаться, я была настроена весьма прохладно. Очень не хотелось выслушивать сейчас её пространные рассуждения, а ещё больше – зацепиться языком и увязнуть в долгом и нудном диспуте.

– Всё отлично, – ответила я наконец. – Вчера зачёт сдала, осталось ещё два экзамена, курсовая, и...

– Я делала расклад, – перебила Алесса. – И мне выпала ты. Очень странно. Вопрос, который я задавала, вообще не был с тобой связан.

– Так, может, это и не я вовсе? – пробормотала я без особой надежды.

– Нет, это точно была ты, – Алесса упрямо тряхнула волосами. Ярко-синяя прядь упала на лоб. – Мне выпал Отшельник – это твоя карта.

– Почему это я – отшельник?! – искренне возмутилась я, позабыв о данном самой себе зароке не влезать в дискуссии. – По-твоему, я веду отшельнический образ жизни?

– У Старших Арканов есть несколько толкований, одно из них – указание на человека. Отшельник – это ты, потому что по описанию именно эта карта наиболее близко соответствует твоей личности. – она перевела дух и заговорила быстро, будто цитируя зазубренное: – Одинокий скромный человек. Интроверт. Молчаливый, вдумчивый, осторожный. Часто про таких говорят "себе на уме".

– Хочешь сказать, я единственная тихоня в мире? – почему-то характеристика, данная Алессой, сильно меня задела. Никогда не считала себя угрюмой букой. – Нет, ты мне объясни, почему "Отшельник" – это именно я, а не Генриетта Свансен из мансарды, у которой герань и сорок кошек?..

Спор вот-вот грозил перерасти в конфликт, и, спохватившись, я неловко замолчала, не договорив. Иногда нужно вовремя захлопнуть варежку – чтобы не наломать дров.

– Во-первых, карты показывают конкретных людей, с которыми знаком тот, кто делает расклад, – слегка раздражённо объяснила Алесса. – *Лично* знаком. Во-вторых, там были и другие карты, указывающие на тебя. Значения арканов в раскладе всегда дополняют друг друга, и таролог никогда не толкует каждую карту в отдельности – он анализирует весь расклад в целом.

– Ну, хорошо, уговорила. Я – отшельница, – устало вздохнула я, мысленно закатывая глаза и награждая надоедливую девчонку парочкой нелестных эпитетов. – Дальше-то что? Рассказывай, мне же интересно.

Я схитрила: ненавязчиво дала понять Алессе, что она смогла разжечь во мне любопытство, и теперь я сгораю от нетерпения узнать, о чём же поведали ей "древние боги".

– Карты говорят, что там, – Алесса недвусмысленно покосилась на темнеющее небо, – начались серьёзные, скажем так, кадровые перестановки. Очень серьёзные. И ты, Тильда, – ещё один выразительный взгляд, на сей раз адресованный не небесам, а мне, – каким-то образом принимаешь в этом самое непосредственное участие.

Я натянуто улыбнулась, не зная, плакать или смеяться от таких "новостей".

Как я уже говорила, у Алессы была одна "милая" особенность: всех тех, кто не спешил верить в её сказки и не признавал существование тонких миров и их обитателей, она считала умственно отсталыми, презирала и автоматически записывала во враги. Я же, как истинная дочь своих родителей, в дипломатии собаку съевших, понимала, что худой мир лучше доброй войны, и старательно избегала любых конфронтаций – даже если для этого иной раз приходилось слегка покривить душой. В случае же с Алессой это был единственный выход сохранить подобие дружбы: поддакивать, соглашаясь во всём, не вступать в полемику, не подвергать сомнению сказанное, в общем, проявлять чудеса выдержки и терпения.

– Лесси, ты же знаешь, что у меня нет твоих талантов, – я виновато развела руками. – Это ты у нас, кхм, ведьма. А я начисто лишена любых способностей. Что ты от меня хочешь?

– Ну-ка, дай сюда руку, – не дожидаясь моего согласия, девчонка схватила мою ладонь и замерла, не мигая. Несколько секунд она напряжённо вглядывалась в линии на моей руке, словно действительно могла видеть там некие знаки, открытые ей и недоступные простым смертным, а потом подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза.

– У тебя изменился рисунок линий, – выпалила она обвиняющим тоном – будто бы я сама исподтишка подрисовала себе "лишние" линии. – Линия сердца стала чётко очерчена – раньше она была прерывистой. Линия судьбы изогнулась. Линия жизни стала длиннее.

– В самом деле? – промямлила я, глупо улыбаясь. А что ещё я могла сказать?

– Просто так линии не меняются, – Алесса задумалась, кусая губы и хмурясь. Затем сняла с шеи шнурок с висевшим на нём кулоном – крохотной стеклянной бутылочкой, закупоренной воском, и протянула мне.

– Надень.

Я не стала сопротивляться. Вреда не будет.

– Что это?

– Амулет, – пояснила Алесса. – Не очень сильный, но лучше, чем ничего. На первое время хватит.

Я присмотрелась к содержимому стеклянной ёмкости. Внутри была какая-то сушёная трава.

– И что, мне его носить не снимая?

– Дома можешь снимать. А вне дома – лучше да, носить. Можешь под одежду спрятать. На твой дом я ставила защиту, так что туда никакая бяка заползти не должна.

Я вдруг вспомнила всё, что произошло за эти дни – и найденный документ, и реакцию на него Ингиферона, и беспричинное чувство страха, исчезнувшее так же внезапно, как и возникшее.

– Кстати, – Алесса вдруг оживилась, будто её осенило. – Ты ничего не приносила в дом в последнее время?

– В последнее время?.. – я уже собиралась было рассказать Алессе о своей находке, как меня будто калёным железом обожгло: *"Молчи. Ничего не говори"*.

Внутренний голос прозвучал в моей голове так отчётливо, что мне стало немного не по себе.

– Рядовой подклад мою защиту, конечно, не смог бы пробить, – не без гордости заявила Алесса. – А вот если к тебе прицепилась какая-то сущность, и попала в дом через тебя... По-хорошему, мне стоило бы посмотреть твою ауру, а заодно и квартиру глянуть...

– Честно говоря, у меня куча дел, – быстро сказала я, мигом сообразив, к чему она клонит. – Инги завтра надо везти к ветеринару. И к зачёту готовиться. Давай я тебе напишу, как пойму, что смогу выкроить часок?

– Часа нам может не хватить, – "ведьма" деловито нахмурилась. – Нужно часа два минимум.

– Тем более! – с преувеличенным энтузиазмом подхватила я. – Я выберу время и отпишусь, идёт?

Алесса молчала, и я почувствовала, что пора сворачивать разговор.

– Ладно, я побегу домой, – улыбка получилась какой-то неловкой, а дружеское объятие – немного неуклюжим. – Элвину привет!

Должно быть, разговор с Алессой так на меня подействовал: мне повсюду стали мерещиться тайные символы и знаки. Буквально на каждом шагу: в вилке для мяса, которая, упав, вертикально воткнулась в ворс ковра; в срезе батона, очертаниями напоминавшем лисицу с огромным пушистым хвостом; в мыльном пузыре, возникшем, когда я слишком резко нажала на дозатор с моющим средством, – пузырь пролетел полкомнаты и в итоге с помпой лопнул, налетев на циферблат часов прямо около цифры "двенадцать". И ладно бы я просто замечала все эти мелочи – я зачем-то машинально старалась их *истолковать*, а разыгравшееся воображение, как назло, подбирало тревожные и откровенно жутковатые ассоциации.

Усилием воли я попыталась отогнать наваждение, но меня хватило ровно на три минуты: забравшись на диван, я открыла книгу и моментально зацепилась взглядом за фразу: "скрывающийся в тени невидимый враг".

Последнее меня раззадорило до крайности.

– Ах, вот как?! – громко сказала я в пространство. – Враг, значит? Кому, интересно, я перешла дорогу, что у меня появились враги? Вроде отродясь ничего плохого никому не делала.

Ответил мне, как ни странно, Ингиферон: мяукнув пару раз, он запрыгнул на коленки и принялся "доить" меня передними лапами, не забывая при этом громко самозабвенно урчать.

– Нам завтра к ветеринару, Инги, – сказала я так, будто кот мог меня понять. – Так что ты не убегай, пожалуйста, из дома, ага?

Конечно, можно было закрыть окна, но котяра умудрялся открывать любые, даже самые тугие оконные задвижки, – если Инги хотелось выбраться на улицу, ничто не способно было его остановить.

Утром я проснулась с большим трудом: то ли сказывалась погода, хмурая и дождливая, то ли магнитные бури, но мой внутренний барометр показывал нечто среднее между "загнанной клячей" и "выжатым лимоном". Инги посмотрел на меня укоризненно, но милостиво позволил себя погладить, почесать за ушком и упаковать в переноску, – правда, недовольно поморщился. Видимо, не оценил мой новый шампунь с нотками персика и жасмина.

Выезжая из подземного паркинга, я заметила краем глаза чей-то тёмный силуэт, похожий на человеческий. Однако, когда я обернулась, там уже никого не было.

"Кто-то из соседей, должно быть", – раздраженно подумала я, сердясь на саму себя за излишне богатую фантазию, а главное – за то, что позволила себе отвлечься за рулём вопреки строжайшему наказу отца.

Машину я водила нечасто, и на дороге чувствовала себя, мягко говоря, не очень уверенно. Ездила медленно, аккуратно, никого не обгоняла и, уж конечно, соблюдала все правила. В общем-то, всё моё вождение сводилось к таким вот нечастым поездкам, когда пользоваться общественным транспортом было по разным причинам неудобно. На учёбу в университет я ездила на велосипеде либо на трамвае.

Ближе к полудню, когда я возвращалась домой, погода испортилась окончательно. Накрапывающий дождь окреп и зарядил в полную силу, к нему присоединился холодный выматывающий ветер – не сильный, но дующий без устали, без передышки.

А ещё мне решительно не везло на светофоры.

Инги, утомлённый тесным общением с ветврачами, спал в своей переноске на соседнем сиденье, а я медленно двигалась в плотном потоке, то останавливаясь, то вновь трогаясь с места. Дворники уныло елозили по лобовому стеклу, заливаемому потоками воды.

Неожиданно в зеркале заднего вида мелькнул ярко-красный росчерк, похожий на искру от фейерверка. Мелькнул – и исчез. Я долго вглядывалась в зеркало, но там был только дождь и ползущие позади машины. Тем не менее я ощутила, как отчётливое ощущение слежки неприятно царапнуло прямо по сердцу.

Что же происходит, а? Ведь что-то явно *происходит* – и началось это с тех самых пор, как я подобрала с земли злосчастный документ. Это можно сравнить с кораблём, который долго-долго стоял на приколе, врастая килем в илистое дно, а потом в одночасье лишился и тросов, и якорей: палуба качнулась, уходя из-под ног, снасти заскрипели, незакреплённые предметы полетели за борт, а проснувшийся капитан выбежал из кубрика и обнаружил, что их несёт прямо на рифы.

Именно это ощущала я сейчас: всё вокруг пришло в движение, завертелось, закружилось, увлекая в бешеный водоворот событий. Вереница невиданных прежде и, на первый взгляд, беспричинных эмоций тянула в какие-то дебри, а впереди – я уже предвидела и понимала это – поджидали новые эмоции и новые дебри.

Громкий возмущённый сигнал автомобильного клаксона выдернул меня в реальность – в тот самый момент, когда я проезжала оживлённый перекресток.

На красный.

Поток машин захлебнулся, застопорился, взорвался сердитым бибиканьем: люди спешно жали на тормоза, а белый фургон со свистом вильнул в сторону, стремясь уйти от столкновения.

Инги громко зашипел из переноски, и в этот момент мне показалось, что свет как будто померк, а течение времени замедлилось. Лишь я одна продолжала двигаться с той же скоростью: проскочила перекрёсток, чудом разминувшись с белым фургоном, и вылетела на свободную дорогу. Впрочем, в следующее мгновение всё вернулось на свои места: злополучный перекрёсток остался позади, автомобили пришли в движение, а ливень хлынул с удвоенной силой.

Сердце бешено колотились, ладони стали липкими от пота. Я глубоко и шумно вздохнула – и, конечно же, услышала приказ немедленно прижаться к обочине. Голос дорожного инспектора, усиленный рупором, был требователен и строг.

От воображаемой оплеухи, которую я отвесила самой себе, в голове моментально прояснилось. Чудненько! Витать в облаках, сидя за рулём, – это, бесспорно, верх осмотрительности! Хорошо ещё, если только штрафом отделаюсь – а ведь могут и права отобрать.

Мысленно я уже представляла себе разговор с отцом, видела упрёк и разочарование в его усталом взгляде. Так смотрят на тех, кто подвёл, подставил, не оправдал надежд.

Тем временем патрульный подошёл ко мне и вежливо постучался в стекло. Я открыла окно, впуская в салон автомобиля вместе с неизбежностью возмездия порывы холодного ветра и брызги дождя.

– Что же вы уважаемая, нарушаете, – укоризненно качая головой, вздохнул он. – На красный, да на такой скорости... Чуть аварию не спровоцировали. Куда это годится?

Инспектор был предельно тактичен, но ощущение складывалось такое, будто он тыкал меня лицом в приборную панель, как слепого котенка. Инги шевельнулся в переноске и предупредительно зашипел, что отнюдь не поспособствовало налаживанию отношений.

– Предъявите ваши документы.

Я лихорадочно зашарила по карманам в поисках водительского удостоверения. Да где?.. Ах, вот же оно!

Руки дрожали, когда я неловко сунула патрульному требуемое. Наверное, стоило бы что-то сказать в своё оправдание, но язык прилип к нёбу, а все уместные в таких случаях слова разом вылетели из головы.

Но, впрочем, это и не потребовалось – потому что инспектор резко побледнел, изменился в лице и деревянным голосом пробубнил:

– Прошу меня извинить. Доброй дороги, – сунул мне права и поспешно направился к патрульной машине.

Что?!

Я поперхнулась, не в силах поверить во внезапную амнистию.

– Хотите сказать, что отпускаете меня? Вот так просто, без каких-либо санкций? – Мой риторический вопрос услышал только Инги, но, ясное дело, ничего не ответил.

Несколько секунд я бестолково пялилась в пространство, тщетно силясь углядеть подвох, а затем опустила глаза на документ.

Это были не водительские права. Оказывается, в панике и спешке я предъявила инспектору найденное удостоверение. То самое, которое про себя я уже окрестила "идентом троллей" и приписала – не без оснований – мистические свойства.

Но ведь удостоверение – просто пустой бланк, без текста!

Я открыла корочку. И застыла.

Моя фотография. Моё имя, выведенное аккуратным почерком. Дата рождения – тоже моя.

Девушка с фотографии смотрела на меня с вызовом и усмехалась – чуть заметно, уголком рта, словно говоря: "Ты что, Тильда, не помнишь, как вчера вечером забавы ради решила подписать корочку, а потом долго искала и вклеивала свою фотографию?"

Вспомнить удалось с колоссальным трудом – подробности вчерашнего вечера ускользали, не давая себя ухватить, будто дразня, и лишь ценой немалых усилий мне удалось с грехом пополам восстановить картину событий: как я рылась в картонной коробке со всякой всячиной в поисках фото, оставшегося от оформления университетских бумаг, как искала отцовскую перьевую ручку – почему-то мне было важно писать именно ей, как одну за другой выводила ровные буквы, воображая себя то ли сверхсекретным космическим шпионом, то ли кем-то вроде Джеймса Бонда.

Тьфу, детский сад! От собственных фантазий почему-то стало ужасно неловко.

Я сидела в машине ещё долго, пытаясь увязать в логическую цепочку события и факты, разумному объяснению не поддающиеся. Патрульный должен был меня задержать, ну, или как минимум выписать штраф. Вместо этого он, едва взглянув на самодельную корочку, не только не отобрал подозрительный документ, а моментально ретировался. Значит ли это, что странная вещь обрела в моих руках некие магические свойства? А если это и так, то какие? *"Не препятствовать подателю сего?"*[3]

– Нет, – твёрдо сказала я. – Не бывает такого.

Инги согласно мяукнул в ответ.

– Если эта штука способна на такие вещи, значит, она обладает невероятной ценностью, – продолжала я рассуждать. – И тот, кому она принадлежит, наверняка очень расстроился, когда обнаружил потерю.

Погоди-ка, оборвала я себя. Мы исходим из того, что документ потеряли случайно. А что, если это не так? Что, если его выбросили? Или *подбросили*?..

Да, вещь нерядовая. Но даже самую ценную вещь в определённых ситуациях могут выбросить – если на то есть веская причина. Например, чтобы избавиться от опасной улики.

[3] Цитата из романа Александра Дюма "Три мушкетёра" (прим. авт.)

Или чтобы подставить врага. Или ради какого-то неведомого эксперимента... Да мало ли этих "или"!

Корочку я спрятала обратно в карман. Меня снедало сомнение пополам с тревогой, но ко всему этому примешивалось ещё одно чувство: нежелание расставаться с артефактом, растущее с каждым днём.

– Эх, вот бы узнать, кто твой настоящий хозяин, – протянула я со вздохом. Про себя подумав: кто бы он ни был, ясно, что он – не просто человек. Точнее, вообще *не* человек.

Остаток пути до дома я ехала со скоростью велосипеда по крайней правой полосе, зорко следя за сигналами светофоров и дорожными знаками.

Глава третья. Паром "Викинг"

Какие там стадии у принятия неизбежного? Отрицание, гнев, торг, депрессия, кажется, ещё что-то?..

Ну, депрессии, к счастью, у меня не наблюдалось, особого гнева я тоже вроде бы не испытывала. Насчёт торга сложно сказать – не вполне понимаю, с кем и по поводу чего я должна была торговаться. Остаётся стадия отрицания, которую, как мне кажется, я давно и успешно прошла.

Да, глупо было бы отрицать, что удостоверение обладает специфическими свойствами. Потому что случай с дорожным инспектором – не единственный. После этого я проверяла корочку в других местах и обстоятельствах. Дважды.

Первый раз – на проходной кампуса. Студенты проходили, конечно, по магнитным карточкам, а вот постороннему человеку нужно было предъявить паспорт. Вместо него я сунула охраннику свою корочку – и он не моргнув глазом открыл турникет. А второй раз – в кофейне, куда зашла перекусить, продемонстрировав её в ответ на вопрос о карте лояльности. Увидев документ, официантка побелела как мел, запинаясь, выдавила, что мой обед – за счёт заведения, после чего убежала и больше не показывалась на глаза. Я тщетно пыталась привлечь внимание других официантов, но меня упорно игнорировали. В итоге мне пришлось рассчитаться наличными, оставив на столе необходимую сумму, потому что уйти, не расплатившись, мне не позволяла совесть.

На этом я временно прекратила свои эксперименты. И так было очевидно, что корочка обладает некой таинственной силой, воздействуя на того, кто её видит, и превращая своего владельца в эдакую "вип-персону". Грубое сравнение, конечно, но, судя по всему, оно было недалеко от истины. Механизм действия я не понимала, да и не могла понять – а мои робкие попытки объяснить его с научной точки зрения выглядели нелепыми и жалкими. Гипноз? Излучение? Какие-то хитроумные магнитные поля? Или вообще нечто совершенно неизученное, чему пока ещё нет названия в физике?

Наверное, надо быть Алессой, чтобы уметь принимать такие вещи как должное. Алесса умела. Я – нет.

Можно, конечно, назвать это мистикой. Или магией. Но я упорно не желала использовать такую терминологию даже мысленно, с упорством закоснелого материалиста цепляясь за привычную мне "правильную" реальность, в которой отродясь не случалось ничего мистического, а всё происходящее имело железобетонное научное объяснение.

Короче говоря, я решила пока что никому ничего не говорить. Даже Алессе – *в особенности* ей. Про корочку и те возможности, что она даёт, я рассказала только Ингиферону, но он был котом, так что это не в счёт.

Да и размышлять о загадках бытия, положа руку на сердце, времени у меня особо не было: приближалась летняя сессия, нужно было готовиться к экзаменам, и я с головой ушла в учёбу. Инги вроде бы успокоился, и, как и прежде, большую половину дня мирно дремал в своём любимом кресле, ощущение слежки отпустило, странные шумы и шорохи всё реже

давали о себе знать, а когда в одной из дальних комнат что-то подозрительно щёлкало, я только отмахивалась: мол, уймитесь, недосуг мне сейчас. К тому же, начались белые ночи, а при ярком свете бояться незримых сущностей, скребущихся в шкафу, было как-то неловко и стыдно.

Может, человек более находчивый быстренько сообразил бы, что можно сделать, используя свойства трофейного артефакта, и нашёл бы ему достойное применение. Какой-нибудь криминальный гений наверняка разработал бы сложную и красивую схему обогащения, а, может, и путь к мировому господству; какая-нибудь мать Тереза придумала бы, как творить добро с его помощью. Не могу сказать, что меня не посещали подобные мысли – разумеется, теории ради, а не практики для: ни малейшего желания воплотить их в реальность у меня не возникало. Во-первых, я чувствовала, что использовать артефакт стоит только в серьёзных и важных делах, не разменяваясь на пустяки. Во-вторых, мне это было попросту не нужно.

* * *

Защита курсовой пришлась, пожалуй, на самый жаркий день июня. Солнце стояло высоко в небе, радуя праздных горожан и вездесущих туристов; везде бурлила жизнь, всё бежало, летело, танцевало: казалось, даже мосты, здания, монументы и памятники – всё то, чему по определению положено быть неподвижным, несётся вприпрыжку, кувыркаясь, подплясывая и пританцовывая.

В аудитории было жарко, несмотря на кондиционер, включенный на полную мощность, – окна выходили на солнечную сторону. Кто-то из преподавателей мужественно делал вид, что слушает доклады студентов, кто-то откровенно скучал, периодически поглядывая на часы, кто-то с тоской глядел в окно, и, должно быть, мечтал поскорее разделаться с опостылевшей работой и рвануть за город. Было здесь и несколько студентов-младшекурсников, из тех, кто ещё не растерял изначального рвения и пришёл поглядеть, как проходит защита.

Я заметила его почти сразу, когда он только вошёл в кабинет. Он не был похож ни на студента, ни на вольнослушателя, ни тем паче на преподавателя. Невозмутимо-собранный, молчаливый, в идеально отглаженном чёрном костюме-тройке и безукоризненно чистых лаковых туфлях. И не жарко ему?

На первый взгляд совершенно заурядный человек с ничем не примечательной внешностью, пусть и не лишённой некоторого лоска. Мужчина, довольно моложавый, но не юнец. Не в моём вкусе, хотя в целом приятный: гладко выбритый, с красивыми густыми волосами почти доходящими до плеч – обычно такие причёски носят актёры или музыканты, словом, представители шоу-бизнеса. Я всегда оцениваю людей по волосам. Не люблю, знаете ли, вот эти модные стрижки под машинку, когда от роскошной шевелюры остаётся лишь коротенький ёжик. А уж обритых налысо и тем более с выбритыми висками вообще на дух не переношу.

Он сидел позади всех, с краю. Не вертел головой, не отвлекался и даже не копошился в телефоне. Просто сидел, скрестив руки на груди, и внимательно слушал.

Почему я вообще обратила на него внимание? Первокурсники, вон, тоже в костюмах и при галстуках. Нет, дело было в другом. Этот человек выглядел *посторонним*. Что-то тонкое, неуловимое в его взгляде, движениях или позе с головой выдавало в нём чужака. Может, всё дело в старомодном покрое костюма?..

Надо сказать, все остальные вообще не обращали на этого человека ни малейшего внимания, словно его не существовало вовсе. У меня мелькнула догадка, что он, должно быть, представитель какой-нибудь государственной структуры – Министерства образования, например, и здесь по долгу службы. Мысль была здравая, и я успокоилась, тем более что подходила моя очередь, а значит, нужно было сосредоточиться.

В общем-то, защита курсовой – процедура довольно обыденная, и мало чем отличается от рядового реферата. Сначала ты выступаешь с докладом, потом задают вопросы. Ничего неординарного.

В какой момент я заметила, что странного господина в чёрном среди слушателей больше нет. Должно быть, когда, запнувшись на труднопроизносимом слове, смутилась и на мгновение посмотрела в аудиторию.

Его нигде не было. При этом я не помнила, чтобы хлопала дверь и кто-то выходил из кабинета.

Мне ещё немного позадавали вопросы – больше для порядка, после чего отпустили с миром. Ура.

Я шла по дорожке между старых высоких платанов, стараясь держаться в густой тени деревьев, и пила холодный кофе из бумажного стаканчика. Тоненькие льдинки похрустывали на зубах – я специально попросила насыпать колотый лёд, а не классический, кубиками, чтобы напиток быстрее остыл. Почти все скамейки, расположенные в тени, были оккупированы студентами; спросом не пользовались и оставались свободными только те, что оказались на солнцепёке, но жариться на солнце мне не хотелось.

Наконец я отыскала незанятую скамейку – на круглом пятачке, у фонтана.

Нет, один человек здесь всё-таки сидел: закинув ногу на ногу и отгородившись от мира развёрнутой газетой, которую увлечённо читал – или делал вид, что читает. Я обратила внимание, что к скамейке прислонён чёрный зонтик-трость с деревянной ручкой. Интересно зачем ему зонтик в такой день?..

Незнакомец шевельнулся, и я поспешно отвернулась – правила хорошего тона не позволяли вот так беспардонно пялиться на людей, а уж тем более заговаривать с ними.

Вспомнив, что Гретхен просила отписаться, как освобожусь, я поставила стаканчик на скамейку и вытащила телефон. Я написала, что всё хорошо, потом сфотографировала крошечную радугу в струях фонтана и добавила фото к сообщению.

Подруга не отвечала. Набрать её, что ли?..

Тем временем мой сосед отложил свою газету, и я почувствовала, что беззастенчиво разглядывают уже меня. Однако, когда я, не выдержав, убрала телефон и рывком подняла голову, то обнаружила, что мой сосед – тот странный тип в старомодном костюме. Но глядел он вовсе не на меня, а на кроны деревьев и облака в небе.

Облака?.. Вроде только что небо было абсолютно чистым. Секунда, другая – и солнце спряталось за клочком облачной ваты, вызвав у меня непроизвольный вздох облегчения.

– Так-то лучше, не правда ли? – хмыкнул незнакомец, не обращаясь ни к кому конкретно – однако достаточно громко, чтобы я его услышала.

– Не люблю жару, – неохотно призналась я.

– Погода – любопытная вещь, – так же вполголоса продолжал мой случайный собеседник. – Казалось бы, мелочь, и все её капризы можно при желании стерпеть – однако как сильно она влияет на людей! На их самочувствие, состояние и настроение. И, как следствие, – на поведение, решения и поступки.

В ответ я неопределённо пожала плечами – при желании этот жест можно было расценить как согласие.

– Хотя, если подумать, вся жизнь состоит из мелочей, – продолжал незнакомец свои рассуждения. – И все они неразрывно связаны друг с другом. Одно событие всегда будет причиной для другого, и такая цепочка следствий и причин может быть очень-очень длинной.

Он явно пытался меня разговорить, но мне не хотелось поддерживать разговор – отчасти оттого, что затронутая тема требовала глубоких размышлений, а мне не хотелось ударяться в философствования; отчасти оттого, что этот человек не вызывал у меня доверия.

"Что ему от меня нужно?"

Разумеется, задавать такой вопрос в лоб я не стала: это было бы бестактно.

Но ведь ему явно что-то от меня *нужно* – не просто же так он мне зубы заговаривает!

– Никогда не задумывалась об этом, – напряжённо улыбнулась я. Конечно, я лукавила, но сейчас моей целью было свернуть навязанную и оттого выматывающую беседу. И чего это он привязался именно ко мне? В парке полно студентов, в том числе студенток, если уж на то пошло. И среди них есть очень симпатичные. Гораздо симпатичнее меня.

– Очень содержательное выступление, – незнакомец резко сменил тему. – Признаться, я впечатлён. Со временем из вас выйдет прекрасный специалист.

Вот те на! А между тем я точно помнила, что он покинул аудиторию прямо посреди моего доклада.

– Вы архитектор? – не выдержала я.

Мужчина мягко рассмеялся. Я сердито нахмурилась. Что тут смешного?!

– Ну... можно и так сказать, – снисходительно улыбнувшись, он развёл руками. – В действительности поле моей деятельности гораздо шире, или, вернее говоря, *глубже*... Кстати, я же вам так и не представился, – спохватился он вдруг. – Асмунд.

Только имя? Без фамилии? Что это, не самая удачная попытка сразу перейти на неформальное общение или нежелание полностью раскрывать свою личность?

Я неохотно пожала протянутую мне руку, вновь и вновь набирая Гретхен.

– Вижу, вы ждёте звонка, – сощурившись, вскользь заметил мой собеседник, за короткое время общения успевший мне порядком надоесть.

Надо же, какая проницательность! Интересно, если я молча встану и уйду, он попытается меня остановить или оставит в покое?..

– Угу, – я отрывисто кивнула. – Подруга.

– У вас хорошие друзья, – тон его голоса вдруг стал деловит и серьёзен. – Надеюсь, я прав, и они смогут поддержать вас... в трудную минуту. Не хотелось бы ошибиться.

"Что?.."

Откуда он знает моих друзей?

Я открыла было рот, чтобы потребовать объяснений – и в этот самый момент внезапно проснулся телефон.

Если минуту назад я была бы счастлива появлению столь подходящего повода прекратить разговор, то сейчас чуть ли не взвыла от досады – потому что при первых звуках мелодии вызова человек, назвавшийся Асмундом, вскинул руки в прощальном жесте, раскланялся и быстрым шагом двинулся прочь.

Звонила Гретхен – сообщить новость, что выкупила забронированные билеты на паром, и "обрадовать", что вместе с нами поедет и её младший брат.

Нет, Микаэль был отличным парнем – симпатичным, милым, приветливым, лёгким в общении, с отличным чувством юмора... Одним словом, душа компании.

Вот только по отношению ко мне Мик питал совсем не дружеские чувства.

Обнаружилось это совершенно неожиданно: на позапрошлом дне рождения Гретхен, когда праздник был в самом разгаре, Мик пригласил меня на танец, а после танца, краснея и запинаясь, признался, что я ему нравлюсь. Я была так обескуражена его откровенным признанием, что не сразу нашлась с ответом. Чуть позже, придя в себя, я сказала, что пока не готова к каким-либо отношениям как таковым. Незадачливый любовник, конечно, растерялся, но довольно скоро взял себя в руки, и, похоже, решил идти до конца. Чисто по-человечески мне было его искренне жаль: я не видела в Мике только друга и никого кроме, и не могла ответить на его чувства.

Пожалуй, я сама была отчасти виновата в этом: не отказав сразу, я тем самым совершила ошибку, подарив бедолаге ложные надежды, – и с той поры Мик упорно ухаживал за мной при каждом удобном случае, вновь и вновь пытаясь добиться моего расположения.

Конечно, это не могло продолжаться вечно, и я понимала: если ничего не изменится, рано или поздно мне придётся поговорить с Миком начистоту. Но будучи от природы мягкосердеч-

ной, я очень не любила говорить "нет". Вдобавок я втайне надеялась, что "чувства" парня ко мне – не более чем мимолётное подростковое увлечение, и в скором будущем он переключит своё внимание на кого-нибудь другого, а ко мне, наконец, охладеет.

Но пока этого не произошло, всякий раз, когда мы оказывались в одной компании, был для меня настоящим испытанием. С одной стороны, мне волей-неволей приходилось терпеть его знаки внимания ради подруги. С другой стороны, Микаэль ни разу не перешёл незримую черту между назойливым ухаживанием и откровенным приставанием, а все его поползновения в мою сторону в глазах окружающих выглядели как невинная романтика, не более.

Словом, я старалась относиться к ситуации с юмором, а сама терпеливо ждала – когда парень повзрослеет и наконец изживёт свои юношеские чувства.

* * *

В морской порт я приехала первой и с большим запасом времени. Нашла свободный столик в одной из летних кофеен, маякнула Гретхен, что я уже на месте, и села пить кофе. В воздухе удушливой волной разливался летний зной, периодически сдуваемый свежим ветром с моря, но вдалеке, на горизонте ворочались тёмные тучи и доносились раскаты грома.

Интересно, если вместо посадочного талона предъявить моё удостоверение, меня пустят на борт?..

Гретхен, Элвин и Мик приехали за пять минут до окончания посадки.

– Не опоздаем?

– Не должны, – отозвался Мик.

– Просто кое-кто, – Элвин бросил выразительный взгляд на Гретхен, – слишком долго наводил марафет.

– Тебе этого не понять, – язвительно заметила Гретхен, бросив на своего кавалера быстрый высокомерный взгляд из-под длинных густых ресниц.

– А мне и не надо, – хохотнул Элвин. – Я сразу красивым родился.

Последние метры до трапа мы проделали чуть ли не бегом – благо, мы были налегке, если не считать пары сумок. А у меня вообще вся поклажа поместилась в небольшой рюкзачок.

Паром был огромный, монументальный, по-королевски роскошный. От него прямо-таки веяло пышной торжественностью и помпезной, несколько громоздкой красотой. Зеркала, отражавшие свет массивных разлапистых люстр, мягкие ковровые дорожки под ногами, плавные изгибы корпуса и благородство натурального дерева, блеск хрусталя и нежная мягкость бархата, – человека неискушённого, а особенно любителя "классического" люкса подобная обстановка привела бы в щенячий восторг.

Я уже имела удовольствие кататься и на "Викинге", и на "Сильвии", поэтому на меня всё это великолепие особого впечатление не произвело – я знала, чего ожидать. А иные пассажиры – полагаю, те, кто отправлялся в круиз впервые, глазели по сторонам с нескрываемым восхищением и восторгом.

Всё-таки в морских круизах есть свой очевидный плюс – комфорт. Разумеется, если море не начинает штормить, а ты не страдаешь морской болезнью.

В самолёте, даже если ты летишь первым классом, в твоём распоряжении будет крошечная клетушка с низким потолком и окошком-иллюминатором с видом на стратосферу – особо не разгуляешься. В поезде, будь то легендарный "Восточный Экспресс", условия немногим лучше: даже самые дорогие купе не могут похвастаться большой площадью просто потому, что железнодорожный вагон не резиновый, и шире, чем позволяют рельсы, его не сделаешь: диван, кровать, стол и туалет за стенкой – вот и все дела.

Автобусные туры же вообще изобрели то ли прожжённые аскеты, то ли недобитые романтики из тех, кто сочинил песню про рай в шалаше: только они способны часами сидеть в кресле, игнорируя затёкшие руки-ноги, и даже спать в позе полусидя, а на редких остановках

искренне радоваться возможности размяться. Нужно быть крайне неприхотливым человеком, чтобы сознательно выбирать такой "отдых".

Совсем другое дело – путешествие по воде, недаром истинные сибариты всё чаще предпочитают именно его. Каюта современного лайнера неотличима от номера в отеле: если б не лёгкое покачивание, можно было бы вообще забыть, что ты не на берегу. А на борту есть все мыслимые удовольствия: от бассейнов и ресторанов до аутлетов и казино.

Бросив в каюте вещи, я вышла на палубу. Гретхен задерживалась – должно быть, приводила себя в порядок, а вот Микаэль сразу увязался за мной.

В руках у него была новенькая камера, а в глазах – решительный блеск. Последнее немного пугало.

Наши взгляды встретились, и Мик радостно улыбнулся. Я тоже выдавила из себя улыбку и поспешно отвернулась, делая вид, что любуюсь видом. Особо можно было не притворяться: пейзаж, открывавшийся с палубы парома, был минималистичен и прост, что, однако, не мешало ему казаться восхитительно прекрасным. Густо-синие воды залива, перемешанные с ослепительными солнечными бликами, нежно-васильковое небо, в котором толкались классические кучевые облака. Полное, абсолютное умиротворение, – только неугомонные чайки, с пронзительными криками носящиеся над водой, привносили в эту безмятежную картинку нотку озорного веселья.

Пока я любовалась морем и небом, Мик украдкой навёл на меня объектив, и я опомниться не успела, как попала в кадр. Во всяком случае, звук щёлкнувшего затвора я услышала очень четко.

– Эй! – возмутилась я. – Что ты делаешь?!

Мик виновато улыбнулся.

– Ты так красиво смотрелась!

– Покажи! – потребовала я. Ненавижу, когда меня фотографируют без разрешения! – Давай, показывай!

Мик неохотно протянул камеру.

– Вот.

Увидев кадр, где я стояла вполоборота, облокотившись на перила, и задумчиво глядела куда-то вдаль, я слегка успокоилась. Вроде и в самом деле неплохо вышло.

– Ладно, – я решила сменить гнев на милость. – Можешь оставить. Только больше меня не снимай, ладно? Ты же знаешь, я не люблю фотографироваться.

Я совсем не Квазимодо, но на снимках, особенно вот таких, случайных, почему-то всегда получаюсь некрасивой. То ли от природы нефотогеничная, то ли камера меня не любит, то ли так мне "везёт" на криворуких фотографов.

В жизни бывает и наоборот. Внешне невзрачный человек на всех фотопортретах выглядит как Аполлон. Но последнее – точно не про меня.

– Я тут на курсы записался, – попытался как-то оправдаться Мик. – Сейчас изучаем портретную съёмку. Нам дали домашнее задание...

Всё понятно.

– Так чего ж ты на Гретхен не практикуешься? – я иронично хмыкнула. – Она будет счастлива тебе попозировать. Её же хлебом не корми – дай перед объективом повертеться.

– Так то сестра, её – неинтересно, – мигом сник парень. Смущённо зарделся.

Ага, должно быть, Микаэль уже подкатывал к Гретхен со своей камерой... И был закономерно отправлен по известному адресу.

– В фотопортрете важны эмоции, – чуть уверенней продолжил он. – Натуральные, искренние эмоции, понимаешь? А для этого желательно, чтобы модель была не пластиковой куклой, а человеком. Живым человеком.

Мик придвинулся ближе, бросил на меня робкий взгляд. До сих пор я упорно делала вид, что не замечаю его поползновений, но это не могло продолжаться вечно. Скорее бы уже Гретхен с Элвином подошли, что ли...

Нет, с этим Ромео надо что-то делать. Вбил себе в голову, что я его судьба, – и не хочет ничего слушать. Добровольно он от меня не отвяжется, я уже поняла.

Вздохнув, я повернула голову и посмотрела на несчастного влюблённого. Высокий, широкоплечий, со светло-рыжими кудрявыми волосами... Его нельзя было назвать классическим красавчиком – в отличие от, скажем, Элвина, но внешность он имел запоминающуюся и яркую.

Может быть, я неправа, и у нас действительно может что-то получиться в будущем? Ну и что, что Мик на четыре года младше – эка невидаль! Я же понимаю, что главное в человеке не внешность и даже не воспитание, а душа. Вот он стоит передо мной – добрый, честный, открытый, а главное, совершенно искренний в своих чувствах, и отчаянно надеется на взаимность. Расскажи кому, на меня посмотрят как на ненормальную, и скажут, дескать, чего тебе ещё надо, дорогуша? Будешь слишком разборчивой – вообще одна останешься. Радуйся своему счастью и не жужжи.

Может быть, они и правы – эти умозрительные советчики.

Только сердцу не прикажешь. Возможно, я чересчур старомодна, если верю в любовь – любовь подлинную, истинную, ту самую, которая будто молния, вспышка, искра: сверкнёт и тут же охватит пламенем, так, что тебе ничто не останется, кроме как сгореть дотла.

Жаль, что в реальной жизни, в отличие от сентиментальных романов и кинолент, такая любовь часто бывает безответной. А ещё чаще – погибает, разбиваясь о холодные скалы унылой обыденности.

Мои безрадостные размышления прервал лёгкий толчок, а вслед за ним – звонкий голос Гретхен:

– Отчаливаем! Отчаливаем!

Паром пришёл в движение: завибрировал, плавно качнулся и медленно-медленно тронулся, забирая влево.

Я повернулась к друзьям и вдруг обомлела: впереди, на одной из спасательных шлюпок, перевёрнутой днищем вверх, восседал огромный матерый волк. Нет, волк, пожалуй, – слабо сказано – то был настоящий монстр. Чудовище скребло длинными когтями по шлюпке, потрясая косматой гривой, его глаза полыхали янтарно-жёлтым, шерсть на загривке топорщилась, а с огромных клыков капала слюна. Он повернул голову в мою сторону и издал угрожающий рык.

Я ахнула, приготовившись завопить от ужаса, но в этот самый момент паром развернуло, и солнце, стоящее уже довольно низко, ударило прямо в глаза. Ослеплённая, я зажмурилась, попятилась, уткнувшись спиной в какой-то ящик, когда же я опомнилась, никакого монстра там уже не было.

Вместо него на шлюпке бесформенной кучей лежал старый грязный брезент.

Привиделось?

Не может быть. Галлюцинация? Но я ведь *слышала* рык!

Я украдкой покосилась на остальных. Кроме нас четверых, на палубе было ещё несколько человек: и пассажиры, и сотрудники паромной компании. Никто из них и бровью не повёл. Повернулась к ребятам. Элвин, хохоча, брызгал на Гретхен водой из бутылки, та визжала, закрывая руками лицо, а Мик, предусмотрительно отступив на пару шагов, исподтишка снимал всё это безобразие на камеру.

И только мне после пугающего видения было отнюдь не до веселья.

Через некоторое время, когда паром набрал скорость, а солнце почти коснулось воды, у нас ожидаемо начались разногласия касательно предстоящего вечера.

Гретхен хотела в ресторан, причём в конкретный, где планировались танцы и интерактивная шоу-программа. Элвин ожидаемо намылился в казино: у нашего красавчика была одна любопытная способность – ему невероятно везло в азартных играх. А Микаэль твердил про караоке. В итоге после пары минут жаркого спора было решено сначала пойти поужинать, а после разобраться со всем прочим, как говорится, по ходу пьесы.

– Твое казино, Эл, работает всю ночь, – справедливо заметила Гретхен. – И кроме тебя это никому не интересно.

– И, кстати, мы здесь будем целых пять дней, – добавила я. – Ещё успеем и в бассейн, и в караоке, и везде.

Пять дней – это, конечно, не пять минут, но они пролетели как один миг. Слава всем богам, уродливый волкоподобный монстр больше не объявлялся, а за пёстрой вереницей впечатлений я и думать забыла обо всех страхах и успела в полной мере насладиться столь долгожданным отдыхом.

В нашу пятую, заключительную ночь на пароме Микаэлю удалось-таки затащить нас в караоке-бар. Не в последнюю очередь потому, что это остался единственный невыполненный "пункт" нашей программы. Днём ранее Элвин просадил в казино почти все свои сбережения, но в самом конце исхитрился-таки отыграться сполна, и теперь довольно ухмылялся, козыряя новенькими наушниками. Гретхен поначалу громогласно возмущалась, обзывая парня игроманом и фанатиком, но после того, как он скупил ей чуть ли не половину парфюмерного магазина, заметно успокоилась и ворчать перестала.

К моему огромному облегчению, в караоке-баре было немноголюдно, – во всяком случае, никто не пытался, остограммившись для храбрости, публично демонстрировать полное отсутствие голоса и слуха. Собственно, из-за последнего я караоке и недолюбливала: терпеливо слушать чужие песни в исполнении певцов-любителей, начисто лишённых даже минимальных вокальных данных – удовольствие, надо сказать, ниже среднего. Должно быть, где-то в параллельной реальности в караоке-ресторанах дозволяют взять в руки микрофон только людям, с отличием окончившим консерваторию, а за фальшивое исполнение штрафуют и с позором прогоняют из заведения, но в нашем бренном мире, увы, это не так.

Впрочем, сейчас гостей здесь оказалось мало: влюблённая парочка ворковала у самой сцены, да за дальним столиком кто-то сидел – из-за полумрака и пляшущих по стенам отблесков от диско-шара было плохо видно, кто именно.

Мы пили мохито и "Пина-коладу"; Гретхен даже спела что-то, не вставая с места и почти не открывая рта. Наконец, Мик глубоко вздохнул и, скрипнув креслом, поднялся из-за стола.

От моего внимания не укрылось, как Гретхен с Элвином быстро переглянулись, бросив косой взгляд на Мика, и, вопреки обыкновению, воздержались от подколок. Похоже, эти двое знали нечто, что мне было знать не положено. До поры до времени.

Петь Микаэль умел. Хотя он и консерваторий не оканчивал, и вообще не имел никакого музыкального образования. Врождённый талант, который способен раскрыться даже без особых усилий со стороны его владельца, – редкое благо, похвастаться которым способен далеко не каждый. Обычно талант требует терпения, усидчивости и долгих лет усердной работы – и лишь после этого расцветает. Но из каждого правила есть исключения: одно из них стояло сейчас перед нами на невысоком подиуме, служившем миниатюрной сценой. "Dancing in the Dark" в исполнении Микаэля звучал, на мой взгляд, даже лучше, чем в оригинале, – чувственно, проникновенно, романтично. Искренне.

На несколько минут я забыла обо всём, позволяя музыке окутать меня, спеленать и увлечь вдаль, в ту самую таинственную темноту, напоённую разноцветными сполохами света. Погрузившись с головой в простую, незамысловатую, но такую красивую мелодию, я плыла по ней, как по широкой медленной реке, не думая ни о чём и просто наслаждаясь моментом.

Последние аккорды мелодии стихли, раздались аплодисменты, одобрительные свистки. Даже официанты дружно рукоплескали, переглядываясь и улыбаясь. Когда шум утих, Мик смущённо кашлянул, и в наступившей тишине объявил в микрофон:

– Эта песня была для прекрасной Тильды Линдхольм.

Все, как по команде, повернулись в мою сторону. Должно быть, Мик думал, что мне будет приятно, но эффект получился прямо противоположный: непрошенное внимание посторонних обескуражило и разозлило. Я почувствовала, как в душе волной поднимается раздражение.

– Спасибо за уточнение, – рассерженно процедила я, не в силах скрыть недовольство.

Мик хотел что-то возразить, но Гретхен внезапно ойкнула и прижала салфетку ко рту.

– Эй, ты чего? – я повернулась к подруге.

– Ничего... всё в порядке, Тильда, – по её глазам было понятно, что это не так, но Гретхен выдавила улыбку и пропищала:

– Просто укачало... наверное. Надо подышать свежим воздухом.

– Я с тобой! – тут же откликнулась я.

– Нет-нет! – воскликнула подруга. Осеклась, глубоко вздохнула и уже спокойнее добавила: – Элвин проводит меня. Да, Эл?

Элвин послушно последовал за ней.

Когда Мик вернулся к столику, Гретхен и Элвин уже ушли. Мы с Миком остались вдвоём.

Он бросил на меня быстрый взгляд, но почти сразу отвёл глаза, словно боялся зрительного контакта. Я хотела сказать, что он хорошо спел, но слова почему-то застряли в горле.

Мик тоже молчал, будто набираясь храбрости. И я вдруг отчётливо осознала, *что* за этим последует.

"Ты мне нравишься, – сейчас скажет он, заикаясь и отчаянно стараясь скрыть смущение. – Очень нравишься, правда". А потом густо покраснеет, и затараторит торопливо, словно испугавшись, что я рассержусь и не захочу продолжать разговор: "Нет, ты пойми меня правильно... Я не хочу на тебя давить... ни в коем случае! Но, может быть, мы хотя бы попытаемся..."

Я так ясно увидела это, словно на мгновение обрела способности Алессы, которые она сама себе приписывала, и смогла заглянуть в будущее.

Ну вот что мне ответить на такое?!

"А ты мне – нет".

"Прости, но мы можем быть только друзьями".

"Я не хочу тебя обижать, но ты не в моём вкусе".

"Всё равно у нас ничего не получится".

Откровенно говоря, я ожидала чего-то подобного, но всё равно не знала, как мне лучше будет отреагировать.

Попытаться перевести разговор на другую тему? А толку? Проклятье! И ведь знала же, что нельзя было оставаться с ним наедине!..

Не сводя с меня затуманенного взгляда, Мик полез в карман, а мне ничего не оставалось, кроме как беспомощно наблюдать за ним. Он открыл было рот, чтобы заговорить – я почти дословно знала, что он скажет – и в этот момент грянула *музыка*.

Потусторонняя. Неземная. Оставляющая терпкое, пряное послевкусие. Пугающая своей необычностью – и при этом отдалённо напоминающая что-то до боли знакомое.

Постепенно в мелодию стали вплетаться слова на незнакомом языке. При этом – странное дело! – я абсолютно точно понимала смысл песни. Точнее, не смысл как таковой, а эмоциональный фон.

В ней пелось о свободе – свободе как состоянии души, когда ты независим от чужой воли и навязанных мнений. В ней пелось об истине – истине, которая существует вне времени и пространства, не зависит от контекста, неизменна и вечна. В ней пелось, что смысл жизни –

в самой жизни, и пока ты жив, ты волен наполнять своё бытие всем, чем пожелаешь. В ней пелось, что счастье любит оптимистов, а победа – храбрецов.

Словом, в песне пелось обо всём – оставалось лишь гадать, как столько всего умудрилось в неё уместиться. Она была как волшебная избушка на курьих ножках, которая изнутри больше чем снаружи.

Я опомнилась только когда песня закончилась. Компанию за столиком мне составляли только пустые коктейльные бокалы – с первыми звуками музыки Мик вскочил и, пробормотав, что ему надо ненадолго отлучиться, почти бегом покинул караоке-бар.

– Ну наконец-то, – пропел вкрадчивый голос над самым ухом. – Пришлось попотеть, чтобы разыскать тебя. А ещё сложнее было застать тебя одну... Тильда Линдхольм.

Я вздрогнула и чуть было не вскочила со стула, но моё тело отчего-то отказалось мне подчиняться. Ноги стали ватными, руки тоже, а по позвоночнику прокатилась горячая волна – будто кто-то невидимой рукой погладил меня изнутри. Голос тоже пропал, и вместо громкого восклицания из горла вырвался придушенный хрип. Лишь одно сердце не поддалось этой внезапной "заморозке", и колотилось так неистово, что едва не выпрыгивало из грудной клетки.

Тем временем заговоривший со мной мужчина опустился в кресло напротив, и я, наконец, смогла его рассмотреть.

Незнакомец был высок, худощав, но при этом сложен удивительно гармонично. Что сразу бросалось в глаза, так это пластика: удивительная грация, присущая разве что эквилибристам и танцорам балета – это ощущалось в каждом его движении, каждом жесте. Возраст определению не поддавался: двадцать, тридцать, больше?.. Сказывалось тусклое освещение и резкий контраст между строгим деловым костюмом с галстуком и цветом его шевелюры. Густые ярко-красные волосы чуть ниже плеч были собраны в хвост, но половина прядей оказалась слишком коротка и падала на лоб, глаза и остро очерченные скулы. Тонкие брови хмурились сердито и недовольно, а глаза смотрели на меня со смесью неприязни и нескрываемого торжества.

К счастью, мне не пришлось томиться от неизвестности, теряясь в догадках, зачем я ему понадобилась: красноволосый заговорил первым, озвучив причину коротко и ёмко.

– У тебя находится моя вещь, – его голос был сухим и ровным, но я почувствовала невероятное напряжение, скрытое за будничным тоном. – Документ. *Верни.*

Сердце пропустило удар – но следом я почувствовала невероятное облегчение. Таинственный хозяин удостоверения, наконец, объявился, – а значит, сейчас я верну ему свой трофей, он оставит меня в покое, и я вздохну свободно.

– Вы имеете в виду это? – я вынула из кармана корочку, с которой в последнее время не расставалась ни на минуту.

– Именно! – незнакомец гневно сверкнул глазами.

Красные. Такой оттенок в природе не встречается – очевидно, контактные линзы. Цветные, карнавальные. Тьфу, шут гороховый какой-то.

– Пожалуйста, – пожав плечами, я хотела положить документ на стол, но мой собеседник выхватил его у меня из рук, больно ударив током. Я вздрогнула и отдёрнула руку. Надо же, какие мы электрические!

– Ой, – мужчина оскалился в кривоватой улыбке. – Прошу прощения. Я не нарочно.

Удостоверение, даже не развернув, он тут же сгрёб и по-хозяйски сунул за пазуху.

– Ничего страшного, – пробормотала я, с удивлением отмечая, что к суставам понемногу возвращается подвижность. Пошевелила ногами под столом, подняла и опустила руки – всё было в порядке. Ни следа странного оцепенения.

– Эта вещь принадлежит мне, – уже спокойнее добавил он, словно пытаясь как-то компенсировать свою первоначальную резкость. – Она очень ценна. Увы, некоторое время назад я имел неосторожность её... обронить. А тебе – так уж вышло – посчастливилось её найти.

Я ещё раз пожала плечами.

– Вы так говорите, будто бы я не собиралась вам возвращать *вашу* вещь, – произнесла я сухо. – Будто я была против. Зря. Мне чужого не надо. Я и сама её вернула бы владельцу – только не знала, чья она.

Красноволосый улыбнулся – торжествующе, победно, и когда заговорил, его голос разительно изменился, став приторно-сладким и предельно вежливым:

– Я рад, что мы с вами... поняли друг друга, – он выскользнул из-за стола и преувеличенно галантно откланялся: – В таком случае не смею вас задерживать. Счастливо оставаться!

– Постойте! – спохватилась я. – Что это вообще за штука такая? И как вы узнали, что она у меня? Кто вы?..

– О, поверьте, милая, вам всё это знать совершенно ни к чему, – оглянувшись, небрежно бросил незнакомец. – Прощайте.

Секунда, другая – и он исчез, оставив меня в полнейшем смятении.

Резко контрастируя с нехитрой клубной музыкой, бьющей по ушам, в душе волнами поднимались сложными противоречивые чувства: набегали друг на друга, схлёстывались в безмолвном поединке, смешивались и вновь разбегались в стороны – меня штормило, как море в грозу.

С одной стороны я испытывала невероятное, просто-таки нечеловеческое облегчение оттого, что избавилась от опасного трофея. С другой – чем дальше, тем острее я ощущала его отсутствие, и одновременно – жгучее желание вернуть документ, который я уже мысленно считала *своим*. Вдобавок к этому меня снедало совершенно невыносимое любопытство и в то же время – тревога и страх. Последнее подействовало на меня отрезвляюще, как ледяной душ. Каждой клеточкой я почувствовала притаившуюся опасность – хищным зверем она пряталась в густой тени, угрожающе посверкивая глазами, рыча и скаля клыки.

Как то чудовище, что мне привиделось на палубе в самом начале круиза.

Гремела музыка, по стенам кружили разноцветные пятна, но теперь эти атрибуты веселья и радости вызывали лишь раздражение. После короткого разговора с красноволосым незнакомцем мне было не до веселья. Вопросы, оставшиеся без ответа, роились вокруг назойливыми мухами, а в условиях нехватки данных моё богатое воображение услужливо сочиняло и подкидывало свои собственные версии: от происков коварных спецслужб до откровенной мистики.

Время шло, Мик не возвращался. Я терпеливо ждала, как положено хорошему другу и воспитанному человеку, но Мик так и не объявился.

Прошло полчаса, час. Кажется, за соседними столиками были какие-то люди, а кто-то даже пел – как и положено в караоке, неискренне и фальшиво, совсем не так, как Мик.

Была уже глубокая ночь, когда ко мне подошёл официант и вежливо проинформировал, что они закрываются. А Мик как сквозь землю провалился.

Значит, не стал возвращаться. Обиделся. Или решил продемонстрировать, что обиделся.

Что ж, это его дело.

Помедлив, я всё же решила пройтись по палубе – честно признаться, больше для очистки совести. Но ни в одном из круглосуточных ресторанов, ни в пустых магазинах, призывно сверкавших витринами, ни в лобби Мик не обнаружился. Гретхен и её кавалера тоже нигде не было – похоже, они уже отправились спать. Мне ничего не оставалось, как последовать их примеру.

Мне снилась всякая ерунда. События последнего вечера вкупе с частично переваренными памятью впечатлениями от поездки и обрывками недодуманных мыслей вылились в калейдоскоп пёстрых, сумбурных, разрозненных картинок.

Нелепые сюрреалистичные образы сменяли друг друга, как цирковые номера диковинной феерии, бередя и без того растревоженную душу. Вдобавок ко всему поднялся ветер, отчего паром ощутимо раскачивало. Периодически я выныривала из сонного забытья, всякий

раз наблюдая однообразную картину: тьма каюты, тусклый огонёк дежурной лампы и сильная качка.

Разбудил меня нетерпеливый стук в дверь. Гретхен.

– Мик у тебя? – спросила она вместо приветствия.

– Что?! – зевнула я, спросонья плохо соображая, что происходит.

Гретхен придирчиво оглядела каюту, словно думая, что я прячу её брата под кроватью или в шкафу. Или, боже упаси, под одеялом.

– Его нигде нет, – пожаловалась она недовольным тоном. – И телефон недоступен.

Просыпаться было тяжело: вязкое полузабытье отступало мучительно медленно, сознание будто не желало возвращаться в тело, хотя яркий солнечный свет, лившийся из окна, яснее всяких слов указывал на позднее утро. Качки уже не было: значит, паром стоит у причала.

Не помню, чтобы будильник звонил. Я его не услышала, что ли?

В каюте Мика тоже не оказалось.

– Может, он не стал нас дожидаться и ушёл? – предположил Элвин, озадаченно почесывая затылок. – Мы ведь уже целый час стоим.

– С чего бы это вдруг? – вскинулась Гретхен. Перевела взгляд на меня, с подозрением прищурилась. – Что вчера было? Вы поссорились?

– Нет, – я энергично замотала головой. – Мы сидели, общались... Потом Мик сказал, что ему нужно выйти. Ушёл – и с концами. Я его ждала, пока караоке-клуб не закрылся. Потом ещё по палубе ходила, искала.

О коротком разговоре с красноволосым я благоразумно упоминать не стала.

– Странно, – Гретхен задумалась. – Раньше за ним такого не водилось.

Теперь уже и я забеспокоилась: настроение подруги невольно передалось мне, поселив в душе смутную тревогу. Я набрала номер Мика, но услышала лишь холодный голос автоответчика.

– Так что будем делать? – вмешался Элвин.

– Идём, – Гретхен решительно закинула сумку на плечо. – Ничего, дома я ему устрою...

"Устроить", однако, ей ничего не удалось: когда мы сели в автобус, у меня в кармане коротко тренькнуло.

Я вытащила телефон и похолодела.

– Смотрите.

Сообщение состояло из одного слова: *"Помогите"*.

Элвин с Гретхен быстро переглянулись. Элвин засмеялся было, но почти сразу же резко оборвал смех.

– Хочешь сказать, это не розыгрыш? – с сомнением протянул он.

– Подобные розыгрыши не в его стиле, – встревоженно пробормотала Гретхен.

И оба синхронно уставились на меня – так, словно именно я была виновна в произошедшем.

– Что? – я первой не выдержала игру в гляделки. – Ну?

– Мик собирался предложить тебе встречаться, – севшим голосом просипела Гретхен. – Хотел подарить кольцо.

Признаться, я подозревала нечто подобное.

– Он ничего мне не говорил... – пробормотала я чистую правду.

– Недоступен, – со злостью процедил Элвин, отшвыривая свой собственный телефон.

– Как же тогда прошло сообщение?..

В ответ на вопрос Гретхен Элвин лишь пожал плечами. Понимание очевидного повисло в воздухе незримым пыльным облаком: надо идти в полицию.

Нет, не идти – бежать.

– Родители меня убьют, – простонала Гретхен.

Элвин, не говоря ни слова, молча сжал её руку.

– Боже, во что он умудрился вляпаться? – Гретхен стиснула зубы, изо всех сил стараясь держать себя в руках – но я видела, что она на грани.

Мы вышли из автобуса под хмурое пасмурное небо. Кругом сновали прохожие, то и дело задевая нас локтями. Гретхен звонила родителям, Элвин – в полицию.

Общаться с доблестными служителями порядка не очень хотелось, но к их чести, мурыжили нас недолго: внимательно выслушали, тщательно зафиксировали все факты, заверили, что "в случае какой-либо свежей информации обязательно нас уведомят" и взяли обещание "незамедлительно сообщить", если Микаэль вдруг объявится сам.

Мы почти уже закончили, когда подъехали родители Гретхен и Мика – взъерошенные, растерянные, ничего не понимающие, – и пришлось рассказывать всё сначала.

Нас в очередной раз заверили, что "делается всё необходимое", а затем деликатно осведомились, не нужна ли кому-либо из нас психологическая помощь. Господин Ранстен выглядел так, будто всё происходящее – абсурдный сон, и он вот-вот проснётся, его жена держалась на удивление стойко, хотя было видно, что она шокирована не меньше. Впрочем, от предложенной помощи они дружно отказались, ограничившись валерьянкой и крепким чёрным кофе.

Разумеется, у Ранстенов и в мыслях не было обвинять меня в таинственном исчезновении их сына – но я всё равно испытывала сильную неловкость, словно в случившемся действительно присутствовала толика моей вины. Поэтому, когда меня пригласили заглянуть в гости, я не нашла в себе сил отказаться.

Ссутулившись в слишком мягком кресле, я пила обжигающе горячий чай с брусничным вареньем и сбивчиво бормотала слова утешения, остро чувствуя себя лишней. Рядом с Гретхен сидел Элвин, не выпуская из своих ладоней её руки. Обычно шумный и жизнерадостный, сейчас он был непривычно тихим, будто контуженным, и это вносило дополнительный диссонанс в общую атмосферу, и без того напряжённую до предела. Я то и дело подумывала сбежать – но всякий раз ловила на себе потерянный взгляд подруги и не находила в себе сил уйти. Мы почти не разговаривали, но каждый думал об одном и том же: это не розыгрыш и не шутка. Не мог Мик вот так просто взять и исчезнуть. Случается, конечно, что люди, особенно в юности, сходят с ума и решают покончить с собой от безответной любви, – но Микаэль определённо был не из их числа. Он, скорее, с упорством Сизифа вновь и вновь стал бы добиваться моего расположения, даже понимая, что у него почти нет шансов.

Значит, что-то произошло. И это "что-то" явно выходило за рамки банального "поехал к друзьям, а телефон потерял" или "сбила машина, загремел в больницу, лежу без сознания".

Что-то произошло... Что?

Некстати вспомнился и чудовищный зверь, померещившийся мне на пароме, и короткая встреча с эпатажным красноволосым незнакомцем. Может ли он иметь отношение к исчезновению Микаэля? Весьма сомнительно. Насколько я поняла, его единственной целью было забрать назад свой документ – и цели этой он успешно достиг.

Я кивала невпопад, жевала что-то вроде имбирного печенья, почти не чувствуя вкуса, и, как и Гретхен, сверлила взглядом телефон в отчаянной надежде, что Мик выйдет на связь. Кто-то кому-то звонил, что-то рассказывал, доказывал, объяснял, спорил. Всё вокруг будто застопорилось, забуксовало, застыло в каком-то почти мистическом стазисе. Понимание, что от нас мало что зависит, незримыми силовыми полями пролегло между нами, сближая и отталкивая одновременно. А неизвестность только усиливала напряжение.

В конце концов, воспользовавшись моментом, я промямлила что-то про кота, злоупотребление гостеприимством и ушла – точнее, попросту сбежала.

Настроение было хуже некуда. М-да, не так, совсем не так я представляла себе возвращение из круиза...

Почему-то очень не хотелось идти домой. И я намеренно оттягивала этот момент. Не стала лезть в трамвай, а прошлась пешком, причём кружной дорогой. Заглянула в продуктовый магазинчик. Словом, к дому я подходила после заката.

И здесь меня подкарауливала ещё одна неожиданность.

Дверь квартиры была приоткрыта, а из прихожей на лестничную площадку падал красноватый свет.

Глава четвёртая. Контракт и сущности

Наверное, чересчур комфортная жизнь – не всегда безусловное благо. Ощущение полной безопасности снижает критичность, расслабляет, усыпляет бдительность, а самое главное – неотвратимо вызывает привыкание. А потом, стоит только грянуть "грому среди ясного неба", ты не можешь мгновенно мобилизовать внутренние ресурсы и встретить грозу, что называется, во всеоружии.

Каюсь, я привыкла чувствовать себя в безопасности. И приоткрытая дверь в собственную квартиру вызвала у меня не панический страх, а недоумение, досаду, максимум – лёгкое беспокойство. Возможно, забегал отец, и второпях не захлопнул дверь как следует, а потом её распахнуло сквозняком. Возможно, то был нерадивый сотрудник службы клининга. Мама сейчас далеко. А больше ключей ни у кого и нет.

Версия про взломщиков, бандитов и прочих злоумышленников мне даже не пришла в голову – ну какие бандиты осмелятся сунуться в строго охраняемый, напичканный камерами дом в одном из самых безопасных районов города? Чушь собачья.

И всё-таки я замедлила шаг и затаила дыхание, чтобы, предварительно аккуратно заглянув в дверь, зайти внутрь, на цыпочках пересечь прихожую и внимательно оглядеться.

Ингиферон появился так внезапно, что я невольно вздрогнула. Кинулся мне под ноги, остервенело размахивая хвостом, и, выпустив когти, прыгнул прямо на меня, словно... словно пытался *удержать* меня, не дать пройти.

– Инги... – я отпрянула. – Что с тобой?..

И одновременно с этим я услышала голос, идущий из глубины дальней комнаты.

– Ну наконец-то. Я уж, признаться, заждался.

Ингиферон распушился, увеличившись в размерах, и заворчал – угрожающе, гневно, с бессильной яростью глядя в полумрак коридора.

– Что же ты застыла? – смутно знакомый голос будто насмехался. – Входи, раз уж пришла.

Признаюсь честно, первым (и, видимо, правильным) желанием было убежать из квартиры, сверкая пятками, а потом вызвать охрану – но Ингиферон не оставил мне выбора: выгнул хвост дугой и, не переставая рычать, решительно ринулся в комнату. Мне пришлось последовать за ним – ретироваться, бросив питомца на произвол судьбы, мне не позволяла совесть.

За секунду до того, как распахнуть дверь, я уже знала, кого увижу. Не понимала только, на кой я ему сдалась.

Он сидел на диване: нога на ногу, руки – раскинуты в стороны. Да, тот самый красноволосый незнакомец с парома. И, судя по сурово сдвинутым бровям, ледяному, острому как бритва взгляду и сжатым кулакам он с трудом сдерживал гнев.

– Вздумала обвести меня вокруг пальца, девчонка? – выплюнул он с презрительной гримасой. – *Меня?!*

Я вдруг почувствовала себя ужасно уязвимой. А если этот тип вооружён? Впрочем, даже если и нет, вряд ли я смогу справиться с ним в одиночку.

Ингиферон воинственно рыкнул.

Ну, не совсем в одиночку. Но всё-таки.

– Не понимаю, о чём вы, – пробормотала я растерянно, покосившись на Инги. Кот встал аккурат между мной и незваным гостем, не переставая утробно рычать и скалить зубы.

– Надеешься на помощь своего фамильяра? – красноволосый скривился. – Зря. Я в своём праве.

"Фамильяра?" О чём это он?

– Что вам от меня нужно? – против воли голос предательски дрогнул. Я невольно отступила на шаг назад. Мало ли что у него на уме.

– Ты *обманула* меня, – красноволосый изобличительно тыкнул в меня длинным указательным пальцем, а затем вынул из-за пазухи пресловутое удостоверение и для наглядности помахал им у меня перед носом. На его лице было написано злое торжество. – Ты сделала вид, что возвращаешь мне артефакт, а на самом деле присвоила его себе. Кто тебя надоумил? Он?! – кивок на кота, который не преминул оскалиться и грозно зашипеть.

Я ожидала чего угодно, но не этого. Кроме того, у меня возникло нехорошее подозрение, что у моего нежданного визитёра не всё в порядке с головой.

А значит, с ним нужно быть вдвойне осторожнее.

– Я же вернула вам вашу вещь, – стараясь говорить как можно спокойнее, ответила я. – Что-то не так?

– Издеваешься? – красноволосый задохнулся от возмущения. – "Вернула", говоришь? – он развернул корочку и продемонстрировал мне её содержимое. – Твоё имя. Твоя физиономия. И когда только ты успела?.. – его голос сорвался.

На всякий случай я сделала виноватое выражение лица. Похоже, не стоило всё-таки рисовать в чужом документе... Но ведь тогда я считала его *своим*! И уж точно не ожидала, что какой-то весьма подозрительный красноволосый тип в один прекрасный день заявится за моей находкой.

И тем не менее, я всё ещё не понимала, что он от меня хочет. Очевидно, что документ безнадёжно испорчен в результате моего чрезмерно инициативного "творчества" – однако красноволосый явно чего-то добивается... Чего? Компенсации? Извинений?

Должно быть, вся гамма чувств, включая полнейшее непонимание ситуации, отразилась на моем лице, потому что красноволосый шумно вздохнул, страдальчески закатил глаза и, наконец, сжалился.

– Ты просто отдала мне артефакт, но не отказалась от *права* на него, – он, наконец, снизошёл до объяснений. – Идент по-прежнему считает *тебя* своей хозяйкой. Для меня он бесполезен.

Вот оно как, оказывается. Да, сама я не додумалась бы до такого.

– И что теперь делать? – я понимала, что это прозвучит глупо, но ничего иного мне не пришло в голову.

– Ты должна сказать: "Я *отказываюсь* от права на это", – красноволосый сунул мне документ. – Без запинки, уверенно, искренне. Тогда – и только тогда права на идент вернутся ко мне.

– Так просто? – недоверчиво прищурилась.

– Да.

– И вы оставите меня в покое? – не выдержала я.

Красноволосый нетерпеливо кивнул. Непохоже было, что он лукавит.

Прекрасно! Значит, короткая фраза – и я никогда больше не увижу этого странного и наверняка опасного человека.

Я уже готова была произнести необходимые слова, но меня самым бесцеремонным образом прервали.

– Ты забыл добавить, трикстер, что магия артефакта не допускает принуждения, – раздался мягкий, слегка гнусавый голос, заставив меня подпрыгнуть на месте. – Идент можно передать другому только *добровольно*. И ещё одно: ровно до тех пор, пока он у Тильды, ты не сможешь причинить ей никакого вреда. Артефакт надёжно защищает своего носителя.

Я смотрела и не верила в происходящее: на моих глазах упитанный рыжий кот, коим, как я доселе полагала, являлся Ингиферон, превратился в человека. Вернее, принял человеческое обличье – а кем он в действительности был, я могла лишь гадать – демоном, оборотнем, как там сказал красноволосый – фамильяром?..

В памяти шевельнулось что-то полузнакомое, полузабытое, то ли прочитанное в книгах, то ли увиденное в кино. Не в силах отделаться от шока, я глубоко задышала, моргая часто-часто и в глубине души надеясь, что увиденное – всего лишь обман зрения. Но увы, моим чаяниям не суждено было оправдаться. Передо мной стоял, сердито насупившись, веснушчатый мальчишка лет двенадцати на вид в оранжевой толстовке с капюшоном и мешковатых джинсах. Его глаза, как и курчавые непослушные волосы, были тёплого медово-золотистого цвета, на щеке красовалась свежая ссадина, а на кроссовках была видна свежая грязь. И он абсолютно точно не собирался исчезать, таять или растворяться, как полагается добропорядочной иллюзии – напротив, решительно пересёк комнату, оставляя следы на светлом ковре, и уселся в кресло рядом со мной, тем самым словно подчёркивая, на чьей он стороне.

Моего красноволосого гостя, в отличие от меня, появление нежданного защитника в лице бывшего без-пяти-минут кота нисколечко не удивило. Скорее, раздосадовало. Впрочем, он достаточно быстро взял себя в руки.

– Ну что, приятель, тяжела кошачья жизнь? – ехидно хмыкнул красноволосый. – Не знал, что тебе уже *позволено* обращаться.

– Теперь знаешь, – нагловато ответил мальчишка, самодовольно осклабившись. Повернулся ко мне и произнёс уже совсем другим тоном, приветливо и дружелюбно: – Здоро́во, Тильда. Прости, что без предупреждения... Но я вынужден был вмешаться.

– Ты лезешь не в своё дело, альв, – процедил красноволосый. – Не мешай.

– Я исполняю свой долг!

– Ой ли? У тебя *открытый* контракт? – красноволосый прищурился и придирчиво оглядел сначала моего чересчур бойкого защитника, потом меня. – Что-то я не вижу на тебе никаких печатей.

Мальчуган рассерженно засопел. Похоже, сто́ящего контраргумента у него не нашлось.

– Это... неофициальная договоренность, – подумав, сердито буркнул он. – И вообще, тебя это не касается!

– Вот именно! – пропел красноволосый. – Меня *совершенно* не касается подоплёка ваших высоких отношений, – быстрый неприязненный взгляд в мою сторону. – Я пришёл вернуть свою вещь – и только.

– Послушайте! – не выдержала я, чувствуя, что ещё немного – и я свихнусь от переизбытка информации. – Это всё, разумеется, безумно интересно и занимательно, но мне сейчас, мягко говоря, недосуг. Мой друг... – я задохнулась от ужаса, пронзённая внезапной догадкой. – Постойте-ка... Так исчезновение Мика – ваших рук дело? Это всё из-за этой проклятой корки?!

Мой незваный гость недоумённо нахмурился.

– Не знаю никакого Мика. Понятия не имею, о чём ты.

– Микаэль Ранстен. Младший брат моей подруги. Загадочно исчез сегодня ночью – или утром. Вы же *были* на этом пароме, – от волнения я не заметила, как вскочила на ноги. – Вот только не надо сейчас врать и отрицать очевидное! Я не дурочка, и вполне способна проанализировать информацию и сделать выводы. Чудовище с горящими глазами тоже ваше? – я окончательно перешла в наступление. – Ха, а я ведь сначала решила, что мне показалось, но теперь, глядя на всю эту вакханалию, понимаю: это не галлюцинация была!

– Ты ещё и Фенрира на неё пытался натравить? – встрял Ингиферон, громко присвистнув. – С ума сошёл?

– Я никого не натравливал! – возмущённо вскричал красноволосый, обращаясь больше к Ингиферону, чем ко мне. – И к исчезновению твоего приятеля я не имею ни малейшего

отношения! Могу поклясться, если хочешь! – не успела я возразить, как он вытянул левую руку ладонью вверх, произнеся скороговоркой: – Я, Лофт, третий апологет Кольца Престола, перед небом и землёй клянусь, что непричастен к исчезновению человека по имени Микаэль Ранстен, и силой, данной мне по праву рождения, призываю в свидетели подвластную мне стихию!

В ту же секунду из его ладони вырвалось малиново-красное пламя. Взметнулось вверх, опалив жаром – даже на внушительном расстоянии я почувствовала знойное дыхание мистического огня, выбросило несколько искр и ту же опало, будто втянувшись обратно в ладонь.

– Ну и фокусы у вас, – пробормотала я, на всякий случай отодвигаясь подальше.

– Наш многоуважаемый гость тем самым любезно продемонстрировал свои *выдающиеся* способности, дабы произвести на тебя должное впечатление, – ехидно прокомментировал Ингиферон, бросив на меня косой взгляд. – Иначе говоря, выпендриться.

– Заткнись, блохастый, – "многоуважаемый гость" явно не оценил предназначенное мне объяснение.

– Ты кого назвал блохастым, трикстер? – мгновенно ощерился пацан, и его зрачки вытянулись, превратившись в тонкие вертикальные полоски.

– Так, всё! – я поняла, что если не вмешаться, пикировка будет продолжаться до утра. – Хватит! – повернулась к мальчугану, взиравшему на меня с каким-то озорным залихватским азартом. – Кто ты такой?

Мальчуган плюхнулся в кресло – то самое кресло, которое он облюбовал ещё будучи котом, отметила я про себя.

– Я альв, – сказал он. – Кстати, Ингиферон – это моё настоящее имя. Можешь звать меня Инги, как и прежде, не обижусь. Вообще-то мне нельзя показываться людям, поэтому я носил личину кота.

– То есть, твои прежние хозяева не знали, что ты... не совсем кот?

– Конечно, не знали, – Ингиферон фыркнул. – Они вообще *ничего* не знали. Не положено. И они, и предыдущие, и... Словом, никто не знал. Для них я был милым домашним питомцем – и только. За полтора века я столько хозяев сменил – со счёту сбился. Да всех уже и не упомнить.

– Полтора *века*? – я недоверчиво уставилась на мальчугана, устроившегося в кресле со всем возможным комфортом. – Хочешь сказать, тебе сто пятьдесят лет?

– Мне – тысяча триста, – Ингиферон горделиво приосанился. – Из них сто пятьдесят я обитаю в этом мире. Скучновато бывает порой... приходится придумывать развлечения, – он резко оборвал себя, словно спохватившись, что чуть не ляпнул лишнего. – Ну, и хозяев периодически приходится менять. В Англию, к слову, куда перебрались мои прежние хозяева, я не поехал из-за давнего конфликта с тамошними низшими сущностями: пикси и лепреконами.

Красноволосый негромко фыркнул.

– Почему? – спросила я.

– Они не любят кошек. А менять ипостась, свивать новую личину – нет уж, увольте. Ненавижу пустую трату сил.

– Значит, людям про вас знать не положено? – я дождалась ответного кивка и продолжила: – Зачем же тогда ты открылся *мне*? И почему не сделал этого раньше? Почему именно сейчас?

– Да потому! – Ингиферон вдруг разозлился. – Нечего всякую бяку подбирать на улицах, да ещё и в дом тащить. Я ведь сразу прочухал, что это за вещь, как только ты её домой принесла. Надеялся, что тебе хватит ума её выкинуть. Зря надеялся, – он сокрушённо шмыгнул носом. – А сегодня, когда этот, – неприязненный кивок на красноволосого гостя, – прямо сюда вломился, да ещё и в твоё отсутствие, и стал тебя шантажировать самым бессовестным образом, я не выдержал. Между прочим, я сам, лично защиту на дом ставил! – пожаловался Ингиферон. – Уж что-что, а замыкать пространство я умею, – помолчал немного и с непонят-

ной мне гордостью добавил: – Я всегда ставлю защитный контур на жилище хозяев. В благодарность и оплату, так сказать.

– Вообще-то я никого не шантажировал, – уязвлённо вставил красноволосый.

– Тильда, послушай меня. Так уж вышло, что в твоих руках оказался уникальный артефакт, – продолжал Ингиферон, будто и не заметив его реплики. – Очень древний и *очень* могущественный. И единственный в своём роде – насколько мне известно. Очевидно, наш "дорогой друг" его потерял – а ты нашла.

– Я имею полное право требовать назад свою вещь! – возмутился красноволосый.

– Требовать – да, – вкрадчиво добавил мальчуган. Покосился на меня и многозначительно кашлянул, будто пытался намекнуть на что-то, навести на мысль. – Но применить *силу*, трикстер, ты не сможешь.

– Мне это известно не хуже тебя, – он скрипнул зубами.

– А мне – нет, – я уселась поудобнее и потребовала: – Рассказывайте. Подробно и понятно. А главное, честно. Что это за штука?

– Идент превосходства, – красноволосый устало прикрыл глаза. – Артефакт, дающий своему владельцу преимущество во всех возможных ситуациях. Отпирает любые замки. Открывает любые двери. Позволяет беспрепятственно проходить куда угодно. Решать проблемы. Добиваться необходимого. Ты ведь уже *использовала* его, и не раз, не так ли? – он прозорливо сверкнул глазами.

– Первый раз это случайно вышло, – смутилась я. – Не в тот карман полезла. Я права хотела предъявить...

– Результат оказался впечатляющим, не так ли? – желчно усмехнулся красноволосый.

Я покраснела, вспомнив, в какой шок меня повергла реакция дорожного инспектора.

– Ты использовала идент не менее трёх раз, – он принялся демонстративно загибать пальцы. – Ты написала своё имя и вклеила фото. А главное – ты *приняла решение* оставить его себе и заявила об этом в присутствии свидетеля, знающего об артефакте и его силе, – убийственно острый взгляд на Ингиферона. – Это условия, необходимые и достаточные для смены владельца. После этого простая передача идента из рук в руки ни на что не влияет: артефакт по-прежнему считает хозяйкой тебя, Тильда Линдхольм. Если ты не откажешься от него, проговорив это *вслух*. Искренне и добровольно.

В горле отчего-то пересохло. Я несколько раз нервно сглотнула, но это не помогло.

– Без своего артефакта я почти бессилен, – неохотно добавил красноволосый. – А самое главное: без него я не могу пересекать границы между мирами, так как идент – это ещё и ключ.

– Между... мирами? – хрипло повторила я, чувствуя себя то ли Алисой, угодившей в кроличью нору, то ли Венди, попавшей в Нетландию.

– Вселенная похожа на гроздья винограда, – произнёс красноволосый с таким страдальческим видом, словно его вынудили читать лекцию для первоклашек. – Наша гроздь включает в себя девять миров. В том числе и твой мир, мир людей – Ойкумену, Тональ, Мидгард – зови как хочешь. Есть совсем маленькие грозди, есть грозди побольше, есть огромные – и все они произрастают из одного корня, или мирового Древа жизни.

– А твой идент – единственный артефакт, открывающий порталы в *любые* миры, а не только миры нашей грозди, – тихо добавил Ингиферон, ставший вдруг необычайно серьёзным.

Я несколько раз глубоко вздохнула, лихорадочно пытаясь сообразить, как мне поступить. Дело осложнялось тем, что соображать нужно было очень и очень быстро.

Похоже, мой потусторонний гость действительно *не может* причинить мне вред – иначе не стал бы церемониться, припёр бы к стенке, и наш разговор выглядел бы совсем по-другому. Если он вынужден был снизойти до уговоров – значит, по-другому проблему решить попросту невозможно.

Какой из этого напрашивается вывод?

Я *могу* диктовать свои условия. Вот только...

– Ответьте мне на один вопрос, – медленно, взвешивая каждое слово, произнесла я. – Тот волкоподобный монстр, которого я видела на пароме, – он имеет отношение к вашей... – я чуть не ляпнула "ненормальной", – иномирной компании?

– Как он выглядел? – красноволосый нахмурился.

В памяти тут же всплыл незабываемый образ – косматая чёрная шерсть, оскаленная пасть, горящие глаза... Я открыла было рот, чтобы озвучить всё это, но красноволосый упредительно поднял руку и резюмировал:

– Не нужно слов, я смог считать визуальный образ. Да, альв прав, это Фафнир. Плохо. Не знал, что наш клыкастый братец тоже здесь, в этом мире... – он помрачнел и задумался.

– Не знал он, видите ли! – ввернул Ингиферон. – Брехня! Небось, сам же его и науськал!..

– Если бы *я* науськал на неё Фафнира, – красноволосый дернул подбородком в мою сторону, – она бы здесь не сидела. Это во-первых.

– А во-вторых?

– А во-вторых, это не мой метод. Зачем усложнять себе жизнь, если есть иллюзия? – он демонстративно щёлкнул пальцами, и тотчас же из воздуха соткался самый настоящий дракон: с уродливой шипастой головой, увенчанной тремя парами рогов, крыльями и длинным хвостом. Завис над ковром, раздуваясь от самодовольства, упёрся рогами в потолок – и лопнул, как воздушный шарик.

Фантомный крылатый ящер был весьма реалистичным. Если бы красноволосый иллюзионист не предупредил, что его питомец "ненастоящий", я струхнула бы не на шутку.

– Дёшево и сердито, – удовлетворённо подытожил красноволосый, отряхивая руки.

И вот с таким, прямо скажем, не внушающим доверия типом, я собираюсь договориться... Да уж.

Было, откровенно говоря, боязно.

– Послушайте, – очень хотелось добавить "как вас там", но я сдержалась. – Вы даже не назвали мне своего имени...

Красноволосый смерил меня оценивающим взглядом.

– Зови меня Лофт, – произнёс он с видимой неохотой. – Это одно из моих *хейти*.

– Послушайте, Лофт... – нужно смотреть правде в глаза: дипломат из меня весьма посредственный, не чета отцу. Но сейчас от этого зависело слишком многое, поэтому я отбросила стеснение, собрала в кулак всю свою волю и решительно заговорила: – Вам нужен ваш идент, так? А мне нужна помощь в поисках друга. Предлагаю сделку. Вы поможете мне отыскать Микаэля Ранстена. Тогда – и только тогда я верну вам документ.

Лофт молчал очень долго. Буравил ни в чем не повинный ковёр тяжёлым взглядом и, должно быть, что-то просчитывал в уме.

Я тоже молчала. Ждала. Я высказала своё предложение (вернее было бы сказать – ультиматум) – теперь слово за ним.

Наконец он поднял голову и посмотрел мне в глаза. Голос его не выражал никаких эмоций – ни возмущения, ни гнева, ни насмешки, ни издёвки. Всё это плескалось в глазах – некогда ярко-красных, под стать волосам, а сейчас темных, как врата в бездну.

– Значит, предлагаешь мне сделку?

– Договор, – поправила я. – Причем взаимовыгодный... и справедливый. Вы поможете мне, а я вам. Тем более дело-то пустяковое. Уверена с вашими... паранормальными способностями отыскать Мика вам не составит никакого труда.

– Хм... – меня одарили сардонической улыбкой. – Присвоить чужую вещь, а потом требовать взамен услугу за возврат законному хозяину – ты считаешь *справедливым*?..

Столько насмешливого скепсиса было в его голосе, что я даже растерялась. Правда, всего на одну секунду.

– Во-первых, я честно пыталась его вернуть сразу, как подобрала, – возразила я. – Ингиферон свидетель. Во-вторых, де-факто я вам его *вернула* – тогда, на пароме. Без условий и требований. Откуда мне было знать, что этот дьявольский артефакт увидел в моём лице свою новую хозяйку?! Но самое главное даже не это. У меня есть все основания полагать, что в исчезновении Микаэля виноваты вы.

Ингиферон зашёлся в приступе булькающего кашля, подозрительно похожего на замаскированный смех.

– Я? – Лофт вскинул брови.

– Не вы лично, – спокойно пояснила я. – А ваша развеселая иномирная братия. Я вижу монстра из другого мира, который – как вы сами утверждаете – не имеет к вам никакого отношения, – а следом мой друг таинственным образом испаряется, не оставив никаких следов, кроме сообщения, состоящего из одного-единственного слова, с просьбой о помощи. Слишком жирное совпадение, не находите?

– Нахожу, – с готовностью поддакнул Ингиферон, тут же перестав кашлять.

– Тебя не спрашивают, – раздражённо огрызнулся Лофт.

– Так вот, – повторила я. – Я верну документ только после того, как Мик вернётся домой... целый и невредимый, – добавила я торопливо, вспомнив, чему учил отец. Договариваясь о чем-либо, всегда чётко и досконально озвучивай все условия договора – это правило я усвоила ещё в глубоком детстве.

– А если твой Микаэль найдётся сам? – прищурился Лофт. – *Без* моего участия? Или если его найдёт кто-то другой? Или если он...

– Жив он, – лениво перебил Ингиферон. – Я видел его, общался с ним, помню его ауру. *Вижу:* жив-здоров.

– Точно? – меня будто ледяной водой окатило. Изнутри. А ведь мне самой не приходило в голову, что с Миком могло что-то случиться, и он... бр-р-р, даже думать об этом жутко.

– Точно, – мальчишка был необычайно серьезён, даже не улыбался почти. – Это моя способность – видеть *свет жизни* на любом расстоянии. А вот где он сейчас, я сказать не могу. Прости.

Лофт посмотрел на меня испытующе.

– Хорошо, – он протянул правую руку ладонью вперёд. – Ты готова заключить договор?

Окажись на моем месте человек предприимчивый, он постарался бы обернуть сложившуюся ситуацию в свою пользу и наверняка смог бы вытрясти из красноволосого товарища побольше плюшек. Я так не умела. Извлекать выгоду из обстоятельств – не моё амплуа.

Ладно. Не буду я с него требовать золотые горы и алмазные копи, не настолько я меркантильна, да и этот... Лофт – не старик Хоттабыч. А вот судьба Мика – как бы я к нему ни относилась – меня действительно волновала.

– Готова, – думая, что речь идёт об обычном рукопожатии, кивнула я, сдерживая рвущееся ликование: неужели получилось?..

– Ингиферон, – Лофт впервые обратился к альву по имени. – Засвидетельствуешь? Раз уж ты здесь.

– С удовольствием, – мальчишка бодро вскочил на ноги, в один прыжок очутившись рядом. Даже будучи в человечьем обличье он двигался с неповторимой кошачьей грацией – ленивой и изящной одновременно.

Я тоже сделала шаг навстречу, с некоторой опаской глядя на вытянутую руку.

– Подойди ближе, – скомандовал Ингиферон. – Ваши ладони должны соединиться. Вот так, – он показал.

"Может, можно как-то без этого?" – так и вертелось на языке. Впрочем, я промолчала и, сделав над собой усилие, коснулась ладони "контрагента".

То, что произошло после этого, невозможно описать словами. Меня словно ударили в солнечное сплетение и одновременно окунули в горячую воду. Лицо опалило жаром, под ложечкой засосало, словно я покатилась вниз с крутой горки, при этом меня охватило невероятное, небывалое воодушевление: будто я одним махом узнала все тайны природы, решила все задачи, отыскала всё когда-либо потерянное и забытое, получила ответы на все вопросы, а на сдачу – пятьсот эскимо и вертолёт, чтобы тотчас же улететь на нём в прекрасное далеко.

Это было восхитительно, упоительно и вместе с тем пугающе – своей силой и мощью, сравнимой с мощью воды, прорвавшей огромную плотину. Я не знаю, что чувствовал Лофт – то же самое либо совершенно иное, – по его лицу невозможно было прочесть, о чём он думает.

Короткая сине-голубая вспышка между наших ладоней, короткая боль – будто в кожу разом вонзилось с полсотни крошечных иголочек – и всё закончилось.

Я посмотрела на свою руку. На ладони, медленно угасая, красовался непонятный знак – треугольник с закрученными спиралью углами.

– Символ вашего договора, – пояснил Ингиферон, заметив мое недоумение.

– И почему я чувствую себя обведённым вокруг пальца? – тихо пробурчал Лофт, разглядывая свою ладонь.

– Договор был заключён по всем правилам, – тут же вставил Ингиферон. – Я свидетель.

– Кто б сомневался, – Лофт пренебрежительно фыркнул, запустив руку в свои волосы. – Ладно. Рассказывай, как и при каких обстоятельствах пропал твой друг. Я должен знать всё.

Вздохнув, я ещё раз повторила то, что несколькими часами ранее рассказывала в полиции.

– Ясно, – мой новый знакомый поднялся на ноги. – Что ж, будут новости – я дам знать.

– А если я узнаю что-то новое?

– Позовёшь, – он равнодушно пожал плечами и, не утруждая себя прощаниями, эффектно растворился в воздухе.

Ингиферон тоже поднялся на ноги.

– Ты прости, что я так внезапно... – он замялся. – В общем, напугал тебя, наверное. Тут такое дело... я не могу принимать человеческое обличье слишком часто, и сейчас моё время на исходе. А я должен успеть рассказать тебе очень важные вещи.

– Слушаю, – в голове звенело от обилия информации, эмоций и впечатлений, но я попыталась сосредоточиться.

– Ума не приложу, как тебя угораздило так вляпаться, – мальчуган вздохнул не по-детски тяжело и шумно, что совершенно не вязалось с его внешностью. – Но что теперь об этом рассуждать... Снявши голову по волосам не плачут. Гораздо важнее другое: как теперь быть и как тебе себя вести, чтобы выбраться из всей этой истории *живой*.

– Что, так всё плохо? – я попыталась улыбнуться, но Ингиферон не спешил разделять моё настроение.

– Не перебивай! – он повысил голос, лихорадочно поглядывая на большие напольные часы. – У нас мало времени. Я полагаю, понятно, что мы с Лофтом – не люди?

Я нервно кивнула. Это было слишком очевидно.

– Я – альв, – Ингиферон улыбнулся немного виновато. – Нет, я не умею колдовать, телепортироваться и превращать воду в вино. Да и вообще, честно говоря, почти ничего не умею. Альвы, по большому счёту, недалеко ушли от людей. Последние полторы сотни лет я живу в облике кота – а становиться собой могу всего на один астрономический час. Не спрашивай, почему так, всё равно не отвечу.

Я и не собиралась спрашивать об этом. Не хочет говорить или не может – дело ясное, а по какой причине – да мало ли причин. Я спросила другое:

– Ты сказал, что Мик жив. Сказал, что *видишь*... нити жизни, что это вроде как твоя... сверхспособность.

– Вижу, – подтвердил Ингиферон. – У некоторых альвов, особенно чистокровных, иногда проявляется какой-нибудь слабый малозначимый дар. Как у меня.

– *Малозначимый*?! – я захлебнулась возмущением. – Да знал бы ты, скольким людям можно было бы помочь, используя такие способности! Если даже...

– Никому помочь *нельзя*, – жёстко отрезал мальчишка, и я вновь поразилась сильнейшему контрасту между его взрослым поведением и детской внешностью.

– Почему? Запрещено Самым Главным Божеством? – съязвила я.

– Не запрещено, а попросту *невозможно*, – раздражённо пояснил Ингиферон. – Закон равновесия не допустит вмешательства. Обстоятельства ли так сложатся или вмешается кто-то – итог один: результат от помощи будет полностью нивелирован. Это закон природы. Мироздание не терпит вмешательства и очень быстро устраняет возникший перекос. Так что любая помощь изначально лишена смысла.

– Но ведь Лофт взялся помочь!

– Тут несколько иная ситуация. Вы заключили договор. Это не безвозмездная помощь. Право на сделки свято чтится и строго охраняется, – он презрительно фыркнул. – Хотя лично я вам, людям, такого права бы не давал.

– Это ещё почему? – возмутилась я. – Что за дискриминация?

– Это не дискриминация, а здравый смысл. Люди слабы и слепы. Ваши способности крайне ограничены, ваша интуиция неразвита...

– Поняла, – прервала я с уязвлённо. – Мы – магические инвалиды. Ограниченные убогие создания, не чета вам, небожителям, умеющим превращаться в кошек, извлекать огонь из ничего и растворяться в воздухе.

– Ты будешь слушать или нет? – рассердился Ингиферон. – У нас каждая секунда на счету, а я должен прочитать тебе краткий курс мироустройства, а ты меня всё время перебиваешь! – он обиженно надулся, но уже через мгновение взял себя в руки и продолжил как ни в чём ни бывало: – Ты поступила правильно, предложив сделку. Но у тебя просто не было иного выбора. Исчезновение Микаэля, и Фенрир, проявившийся в плотном мире, – не простое совпадение, эти события взаимосвязаны. Каким образом и с какой целью – пока не пойму. Но так или иначе, велика вероятность, что исчезновение твоего друга – дело рук кого-то из наших... или лап. Отсюда следует неутешительный вывод: человеческие сыщики его *не найдут*.

– А Лофт? – не выдержала я.

– А вот он может, – Ингиферон задумчиво нахмурился, старательно копируя мимику взрослых. – При всех его недостатках, надо отдать ему должное: он очень силён. Даже сейчас, лишённый своего идента, у него есть такие возможности, какие мне и не снились.

– А Лофт – он кто?

– Один из апологетов Кольца, – он запнулся, наткнувшись на мой недоумённый взгляд, картинно закатил глаза и затараторил: – Есть так называемое Кольцо Престола, куда входят высшие сущности. Иногда их называют магистрами-хранителями, но я считаю, что в человеческих языках наиболее точный по значению термин – "апологет". Всего их девять, и Лофт – один из них. Но Лофт – не просто апологет своей стихии. Он – трикстер. Хтоническая сущность.

Увы, ясности его уточнение не внесло. Увидев это, Ингиферон вздохнул и менторским тоном произнёс:

– Хтонические сущности не имеют "полярности". В них есть и Свет, и Тьма одновременно. Этим они сильны – и опасны. Своей непредсказуемостью, нестандартностью, неуправляемостью. Никогда не знаешь, чего от них ждать. Лофт – один из них. Угораздило же тебя!..

Я молчала, размышляя о его словах. Если мой новоявленный красноволосый знакомый – лишь один из *многих*, значит, есть и другие? Где? Где-то в иных реальностях? Или здесь, в нашем бренном мире? Лофт же смог сюда прийти, значит, могут и другие?..

– Надеюсь, нет нужды лишний раз повторять, что людям о нас знать не положено? – Ингиферон будто прочитал мои мысли. – Не то чтобы я угрожал... в общем, ты меня поняла.

Я вдруг вспомнила о своей подружке-ведьме.

– Кое-кто и без меня догадывается о вашем существовании. Алесса...

Ингиферон оглушительно расхохотался, скорчив такую уморительную гримасу, что я невольно улыбнулась.

– Что? Пигалица эта малолетняя? Шутишь? Это называется "слышал звон, да не знаю, где он". Из неё такая же ведьма, как из меня – премьер-министр! – он еле успел договорить, как вдруг с громким хлопком – будто проткнули воздушный шарик – исчез. В кресле, где только что трясся от смеха костлявый веснушчатый мальчишка, сейчас восседал благообразный рыжий кот.

Вообще-то я должна была ожидать такого поворота – он ведь предупреждал, что срок его пребывания в человеческом обличье истекает, да и предыдущее превращение из кота в бойкого мальчугана смотрелось гораздо более впечатляющим, но всё равно от изумления я на несколько секунд потеряла дар речи.

Обращённый ко мне укоризненный взгляд Ингиферона был способен пробудить совесть даже у самого закоснелого рецидивиста. Дескать, я же говорил, что времени мало.

Нет, таких реалистичных галлюцинаций не бывает.

– Инги? – негромко позвала я. Кот не шелохнулся.

Я тихо застонала от досады. От вопросов, которые я не успела задать, в душе нестерпимо свербило, будто там поселилось семейство сверчков, и теперь они с громким стрекотом копошились, щекоча меня своими усиками.

– Когда ты снова сможешь стать человеком? – озвучила я, пожалуй, наиболее актуальный вопрос.

Кот не спеша потянулся и широко зевнул, всем своим видом демонстрируя, что более не намерен общаться. То, что он превосходно меня *понял*, не вызывало ни малейших сомнений.

– И что мне теперь делать? – сказала я самой себе. – Ждать этого... трикстера? А если...

Этих "если" мгновенно набралась целая пачка. Если трикстер не сможет отыскать Мика. Если ему помешают. Если он захочет меня надуть. Если кто-то вознамерится надуть его. Кто? Да кто угодно! Хотя бы тот, кто пытался натравить на меня Фенрира.

Да и как дальше жить со всем этим багажом знаний, который мне сегодня всучили? Можно ли чувствовать себя в безопасности в собственном доме, зная, что всякие красноволосые сущности могут шастать сюда как на работу, да и рыжий котяра, удобно устроившийся сейчас в кресле – вовсе не кот, да и не человек.

Словно в ответ на мои мысли Ингиферон на секунду приоткрыл глаза, шевельнул ушами и свернулся клубком, тем самым давая понять, что сегодня не собирается больше ничем заниматься и недвусмысленно предлагая последовать его примеру.

– Как говорит Гретхен, в любой непонятной ситуации ложись спать, – пробормотала я. – Спокойной ночи, Инги. А вот я вряд ли смогу заснуть... после всего этого.

Впрочем, я ошибалась: то ли усталость взяла своё, заботливо отключив перегруженное впечатлениями сознание, то ли Ингиферон что-то такое нахимичил, но стоило мне залезть под одеяло, как я мгновенно выпала из реальности, очнувшись лишь поздним утром.

У вас когда-нибудь было, что в первые секунды после пробуждения не сразу удаётся осознать, где ты и что происходит вокруг? Ощущение реальности как будто размывается, расплывается, утекает песком сквозь пальцы, а картинка, которую ты видишь, открыв глаза, никак не вяжется с эмоциями внутри тебя.

У меня тоже раньше не было. До сегодняшнего утра.

Обычно я просыпаюсь с мыслями рутинными и обыденными – об учёбе и насущных делах. Порой – с радостными мыслями о предстоящих событиях или встречах. Иногда – с размышлениями о недавно прочитанной книге, изредка – с мыслями хаотичными и сумбурными, будучи под впечатлением от слишком яркого и правдоподобного сна.

Сегодня я проснулась без каких-либо мыслей вообще, зато с ощущением смутной тревоги, а ещё – с чувством долга.

Мысли пришли минутой позже. Точнее, обрушились на меня водопадом, мгновенно отрезвив, прогнав остатки дремоты, выскоблив душу дочиста, до скрипа. Только одна-единственная фраза красным сигнальным огнём нервно пульсировала в голове, повторяясь снова и снова: *"Амбивалентный характер хтонических сущностей делает их непредсказуемыми и опасными"*.

– Инги! – я бросилась в гостиную. Вчерашнее кресло пустовало – там был только фли-совый клетчатый плед с характерной ямкой посередине.

– Ингиферон! Ты тут?

Одну за другой я проверила все комнаты. Ингиферон не обнаружился.

Выспался и убежал, негодник. Не стал дожидаться, когда я проснусь.

Стиснув зубы, я буквально через силу заставила себя сварить кофе и позавтракать. Руки чесались сорваться с места и самой заняться поисками – но что я могла сделать в одиночку?

– Угомонись, немедленно, – одёрнула я себя. – Имей терпение. А если не терпение, так хотя бы мозги – ну какой из тебя сыщик?!

Разумеется, сыщик из меня никакой, да и чутьё подсказывало, что мне в эту историю лучше не ввязываться, и вообще держаться подальше от паранормальных явлений и потусторонних сущностей. От хтонических – в особенности.

А для начала стоит позвонить подруге, и выяснить, как обстоят дела. Вдруг Мик благополучно вернулся домой и сейчас мирно ест яичницу с беконом в окружении родных.

Я взяла мобильник, собираясь набрать номер Гретхен, но она меня опередила на секунду: телефон внезапно зазвонил сам.

– Тильда, они просмотрели записи с камер наблюдения, – без предисловий выпалила трубка. – Мик *не сходил* на берег!

– Да ладно, – опешила я.

– Сам паром тоже проверили, – продолжала она. – Прочесали сверху донизу, сказали, что каждый уголок проверили. Там его нет.

У меня упало сердце. Как и Гретхен, я понимала: это могло значить лишь одно.

– Я не верю, что он мог... что с ним что-то случилось! – разрыдалась трубка. – Не верю!

– Я тоже в это не верю, – я повысила голос. – Гретхен, послушай меня, Мик обязательно найдётся, я тебе обещаю! – эх, мне бы самой эту уверенность! – Хочешь, я сейчас приеду?

Трубка задумчиво всхлипнула.

– Лучше я к тебе приеду. У меня дома такая атмосфера, что можно повеситься. Маман обзванивает одноклассников Мика. А отец прихватил кого-то из своих друзей и поехал в паромную компанию, разбираться.

Мне оставаться дома тоже не улыбалось. Отчасти потому, что аксиома "мой дом – моя крепость" больше не действовала, отчасти потому, что сидеть сложа руки я просто не могла – мне отчаянно хотелось хотя бы иллюзии движения и действия. А ещё где-то глубоко внутри неприятно царапало смутное понимание: если в исчезновении Мика замешаны те самые пресловутые "потусторонние сущности", значит, в случившемся действительно есть толика моей вины – ведь, судя по всему, именно из-за меня, точнее, из-за найденного мной артефакта эти самые сущности и оказались на пароме.

– Для начала нам всем нужно успокоиться, – миролюбиво сказал Элвин.

Мы сидели на набережной у яхтенной пристани, рассеянно наблюдая за колышущимся частоколом мачт. Дул ветерок, гоня мелкую волну, и настроение было бы превосходным, если б не последние события, ставшие причиной нашей внеплановой встречи. Элвин приехал почти одновременно с Гретхен – она опередила его буквально на пару минут.

– Тебе легко говорить, – проворчала Гретхен обиженно.

– На пароме наверняка полным-полно видеокамер, – продолжал Элвин. – И на палубах, и везде. Таинственное исчезновение Мика стопроцентно засветилось на камерах – а значит, как только копы просмотрят все записи, они его найдут.

Парень держался молодцом, лишь в конце голос его предательски дрогнул: когда Элвин осознал, *что именно* они могут обнаружить на этих записях.

– Случайно выпасть за борт невозможно, – сказала Гретхен. – Там *очень* высокие парапеты. – Но его мог кто-то столкнуть... Нет, нет, нет, я даже думать об этом не хочу!

– И правильно, – тут же подхватил Элвин. – И не думай!

Я угрюмо молчала. Ингиферон уверен, что Микаэль жив, а значит, версия "Мик сдуру сиганул в воду" отметается, так же, как и версия "Мика скинули в воду какие-то отморозки".

– Может, его похитили? – вдохновенно предположил Элвин.

– В таком случае похитители уже объявились бы и изложили свои требования, – заметила Гретхен. – Вот только мы не настолько богаты, чтобы похищать Мика с целью получения выкупа.

– А вдруг он узнал что-нибудь секретное? – не унимался Элвин. – Или стал ненужным свидетелем чьих-либо разборок?.. А ты чего молчишь, Тильда?

– Э-э... – протянула я неопределённо. А что собственно, я могла сказать? Сочинять гипотезы, гадая на кофейной гуще, мне не хотелось.

Хотя одна гипотеза у меня всё-таки возникла.

Если за исчезновением Мика стоят сущности из другого мира, первый закономерный вопрос: мотив. Зачем им понадобился парень, никакими выдающимися способностями не обладающий?..

Стоп, а что, если эти рассуждения ошибочны уже на этом этапе – и в действительности у Мика *есть* нечто, что делает его особенным, возможно, даже незаменимым?.. Именно поэтому его и похитили – чтобы помешать ему, – или, напротив, подтолкнуть к чему-то судьбоносному.

Я вдруг необычайно ясно почувствовала: все наши домыслы невообразимо далеки от правды. А правда... правда скрыта в тумане. Разве что мой новоявленный красноволосый знакомый, пожалуй, сможет пролить свет на эту историю.

Может, рассказать друзьям о вчерашнем? Обета молчания Лофту я не давала, хранить тайну не обещала. Вот только стоит ли?..

– Тильда? – настойчиво повторил Элвин.

– Что ты хочешь от меня услышать, Элвин? – я начала сердиться. – Чтобы строить версии, нужны факты, а у нас их нет. Я не дельфийский оракул!

– Молодец, девочка, – ласково проворковал за спиной пугающе знакомый голос, заставив меня вздрогнуть. – Не стоит тратить силы на пустые разговоры – бессмысленно и глупо. Но причина не только в этом: слова имеют неприятное свойство формировать *реальность*. Вытягивать из недр небытия варианты вероятного будущего.

Ещё не успев обернуться, я уже знала, кого увижу. Склонив голову набок и слегка прищурившись, Лофт внимательно оглядывал нашу маленькую компанию. Его красные волосы казались полыхающим огненным факелом в свете полуденного солнца, а на губах играла обезоруживающе обаятельная улыбка. И как он сумел подкрасться, оставшись незамеченным?

Элвин коротко присвистнул. Гретхен захлопала ресницами, непонимающе уставившись на дерзкого типа, столь бесцеремонным образом встрявшего в наш разговор.

– Вижу, представлять нас не собираются, – невозмутимо продолжал Лофт, не переставая улыбаться. – Что ж, в таком случае представлюсь сам. Можете звать меня Лофт, – он протянул руку Элвину, и тот машинально пожал её. – Вы, должно быть, сестра исчезнувшего молодого человека, – под его коротким острым взглядом Гретхен негромко икнула. – Так сложилось, что я великодушно взялся помочь отыскать его.

– Вы – сотрудник полиции? – первым нашёлся Элвин.

– О, что вы, ни в коем случае, – Лофт презрительно скривился.

– Вы – частный детектив? – высказала предположение Гретхен.

– Что-то вроде того, – поспешила вмешаться я, пока Лофт не нагородил лишнего. – Этот уважаемый господин – гений сыскного искусства, обладатель выдающихся дедуктивных способностей и лучший в своём деле, – я не скрывала сарказма, но, похоже, его уловил только сам Лофт, судя по тому, как злобно он сверкнул глазами. – В общем, Лофт будет искать Мика. – Я шумно перевела дух. – А это... это мои друзья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.